ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 46 15 АВГУСТА 1903 ГОДА № 46

«ВСЕОБЩИЕ» СТАЧКИ НА ЮГЕ.

После блестящих побед, одержанных германской социал-демократией во время последних выборов в рейхстаг, самым крупным и самым замечательным явлением в жизни европейского пролетариата был ряд «всеобщих» стачек в разных городах российского Юга. Говоря так, мы не хотим, разумеется, сказать, что это последнее явление хотя бы приблизительно в такой же мере взволновало общественное мнение Европы, в какой это сделала немецкая выборная горячка. Вовсе нет! Мы знаем, что для европейского общественного мнения Россия до сих пор остается мало интересным «незнакомцем», и то, что происходит в ее пределах, редко находит себе правильную оценку со стороны Западной Европы. Но это бесспорное обстоятельство нимало не мешает крупным событиям, совершающимся в России, иметь свою об'ективную логику и свое историческое значение. И очень часто бывает так, что события русской жизни, едва замеченные и плохо оцененные за границей, подготовляют великие перемены в соотношении сил, оказывающих огромное влияние на ход общественного развития всей Европы. К числу таких событий несомненно принадлежат и недавние стачки на нашем Юге. Они имеют огромное политическое значение. Они представляют собою новый и чрезвычайно сильный удар русскому царизму. А так как русский царизм является, — по выражению Энгельса, — последним оплотом европейской реакции, то ясно, что мы нимало не грешим против истины, говоря, что указанные стачки, как бы мало внимания ни уделила им Западная Европа, по своему значению важны не только для нас, но и для всего европейского Запада. Участвовавшие в них сознательные, полусознательные и бессознательные рабочие, отстаивая насущные интересы своего класса, боролись в то же время за дело, имеющее общеевропейскую важность. Российский пролетариат становится теперь одной из прогрессивных сил цивилизованной Европы. Это честь, которой он, по всей справедливости, может гордиться и которая не выпадала у нас на долю ни «доблестному дворянству», ни «всероссийскому купечеству».

Огромное политическое значение южных стачек ясно понимают у нас все мало-мальски сознательные элементы населения. Орган либеральной буржуазии, «Освобождение»[1], видит в них «пароксизм той революционной лихорадки, которая стала хронической для России и против которой устав о предупреждении и пресечении преступлений, со всеми его приложениями, окончательно перестал действовать». И тот же орган проводит интересную параллель. «Правительство Николая II, — говорит он, — не хочет реформ: это значит, оно готовит революцию и дождется ее. С 17 января 1895 года[2] много воды утекло, и всего яснее эта перемена предстанет перед нами, если мы «бессмысленные мечтания» тверских земских дворян сравним по их содержанию, тону и обстановке с «бессмысленными мечтаниями» бакинских и одесских стачечников. Легкомысленно оттолкнув в 1895 г. свою ладью от берега реформ, Николай II отдался во власть течения, которое с растущей скоростью и, повидимому, бесповоротно несет его к... революции». Действительно, правительство царя-недоросля очень энергично готовит революцию, и действительно «бессмысленные мечтания» тверских дворян ни по своему содержанию, ни по тону, ни по обстановке не похожи на «бессмысленные мечтания» бакинских, одесских или екатеринославских рабочих. Но откуда это огромное различие? Об'ясняется ли оно легкомысленным упорством правительства, отказывающегося причалить к «берегу реформ», или причина его лежит глубже? Ведь «обстановка» наших пролетарских «мечтаний» во всяком случае создана не легкомысленным Николаем II и не его реакционным правительством. Она обусловливается всем складом наших общественных отношений и прежде всего общественным положением нашего пролетариата. Это положение очень мало похоже на положение «земских дворян», и нисколько неудивительно поэтому, что пролетарий «мечтает» не по-дворянски. Пролетариат — это тот общественный класс, который, по выражению, так хорошо известному современным социалистам, не может выпрямиться, не может шевельнуться без того, чтобы не затрещала вся возвышающаяся над ним огромная общественная надстройка. И вот русский пролетариат начинает шевелиться; он пытается разогнуть свою согнутую спину, и от этих первых в весьма значительной степени еще бессознательных движений юного богатыря немедленно затрещало по всем своим швам опирающееся на его широкую спину безобразное здание эксплоатации, бесправия, насилия и всяческой неправды. Движения «земских дворян» совсем не отличаются и никогда не отличались столь опасною угловатостью; от них никогда и ничто не трещало. Но именно потому царизм мог оставаться вполне спокойным за свою судьбу вплоть до той роковой для него поры, когда началось политическое пробуждение российского пролетариата.

Всякая данная политическая сила может уступить только другой политической силе, а наши «земские дворяне» такой силой никогда не бывали. Еще в 1889 году представитель русских социал-демократов на международном социалистическом конгрессе[3] в Париже высказал твердую уверенность в том, что революционное движение в России восторжествует как

движение рабочих, или совсем не восторжествует. Тогда эти его слова удивили даже многих социалистов. Теперь всякий видит, что рабочий класс является у нас самой значительной и единственной вполне надежной революционной силой. Потому-то движение этого класса и привлекает к себе благосклонное внимание даже таких людей, которые еще очень недавно весьма решительно отрицали самую возможность у нас такого движения. Потому-то с российским рабочим и спешат теперь «родными счесться» даже те, которые враждебно чужды ему, как теоретические представители эксплоататоров...

Правда, наши либеральные буржуа до сих пор плохо мирятся с мыслью о неизбежности революции и до сих пор охотно мечтают о том, как хорошо было бы высадиться, под предводительством Николая II, на «берег реформ». Но они сами все более и более проникаются той мыслью, что подобная высадка есть самое несбыточное изо всех их «бессмысленных мечтаний», и потому наиболее дальновидные из них с большим сладкоречием поговаривают теперь о рабочем движении. Они поняли, что революционное движение необходимо, и они поняли также, что революционное движение восторжествует у нас как движение рабочего класса, или совсем не восторжествует.

Как знать? Может-быть, скоро мы увидим молодых и, по-своему, самоотверженных буржуа, идущих «в народ» для привлечения рабочих на свою сторону. Социал-демократия не откажется поддержать таких людей, поскольку их пропаганда будет способствовать пробуждению политического сознания в менее развитых слоях пролетариата, — более развитые его слои не нуждаются в их пропаганде, — но она не перестанет в то же время разоблачать перед пролетариатом узость и недостаточность освободительных стремлений буржуазии всюду, где ни проявятся эта узость и эта ограниченность. Она не перестанет внушать рабочим, что если революционное движение может восторжествовать у нас лишь как движение пролетариата, то движение пролетариата достигнет наибольшей силы и плодотворности лишь как движение, идущее под красным знаменем всемирной социал-демократии.

Однако, пока что, а наша либеральная буржуазия не только сама не идет «в народ», но не умеет поддержать даже и тех народных движений, которые возникают без ее участия. За примером ходить недалеко. Те самые стачки в Баку, Батуме, Киеве, Николаеве, Одессе, Тифлисе, к которым, — по словам «Освобождения», — приковано было внимание всей мыслящей и чувствующей России, не ознаменовались ни одним актом серьезной помощи рабочим со стороны либеральных элементов «общества». Само «Освобождение» сознается, — устами своего одесского корреспондента, — что сборы денег в пользу стачечников «дают пока немного». Корреспондент об'ясняет это тем, что сборы предприняты были слишком поздно, «когда стачка уже кончалась и оставалось только помогать потерпевшим семействам». Он прибавляет, что «отчасти это можно об'яснить и недостатком путей в разные общественные сферы: ведь собирают не открыто». Но оба эти об'яснения совершенно неудовлетворительны. Во-первых, дело помощи потерпевшим семействам рабочих такое серьезное дело, что из-за него стоило-бы открыть либеральный кошелек. А, во-вторых, указывая на недостаток путей «в разные общественные сферы», корреспондент, очевидно, хочет сказать, что собиравшие деньги социалисты не умели проникнуть в эти «сферы». Но почему же оставались неподвижными сами «сферы»? Неужели они не могли найти «путей» к стачечникам? Ведь движение этих последних происходило совершенно «открыто». Нет, в том-то и дело, что наши либералы, готовые пугнуть правительство и ободрить самих себя быстро растущим рабочим движением, не умеют и не хотят оказать этому движению ту поддержку, которую они могли бы оказать, если бы отличались большею политической смышленностью. Не мешает запомнить это как один из уроков недавних стачек.

Но оставим либеральную буржуазию дворянского и недворянского происхождения. Обратимся к рабочим. Чрезвычайно замечательно, что во время последних стачек рабочие многих фабрик часто восставали не потому, что сами хотели добиться каких-нибудь уступок от своих предпринимателей, а единственно потому, что считали себя обязанными поддержать товарищей, забастовавших на других фабриках. Это признают даже легальные газеты. Г. Духовецкий в «Приднепровском Крае» пишет, что в Екатеринославе «на Брянском заводе расценка работ прежняя, докризисная, ныне уже пониженная на всех остальных заводах, и материальное положение рабочих там лучше, чем где-либо, а между тем там работы тоже приостановлены». Когда попадалась такая фабрика, рабочие которой отказывались пристать к стачке на том основании, что им и без того недурно живется, стачечники говорили им: «Ну, вам ничего не надо, так вы других поддержите». Это показывает, что движение в значительной степени имело характер тех стачек, которые в некоторых странах Запада носят название стачек по симпатии. И этот их характер свидетельствует о том, что даже в мало развитой части нашего пролетариата пробуждается классовое самосознание. Отдельные рабочие начинают чувствовать себя частями великого целого, с которым они связаны самыми насущными своими интересами и по отношению к которому на них лежат известные нравственные обязанности. И это чувство наполняет их сердца тем гордым, живительным и радостным сознанием своей силы, которое приятно поразило даже корреспондентов буржуазных газет. «Был момент, когда весь город находился во власти рабочей массы, слившейся воедино и беспрепятственно дефилировавшей по городским улицам, увлекая своим потоком всех собратьев, не успевших еще до того выйти из своих мастерских и фабрик, — пишет одесский корреспондент «Освобождения».— Братские приветствия, возгласы, полные бодрости и восторга, вольные песни, жизнерадостный смех и шутки носились над тысячными толпами, следовавшими через весь город с утра до вечера. Настроение было самое приподнятое, хотелось верить, что водворяется новая, лучшая жизнь на земле. Внушительная и в то же время идиллически трогательная картина».

Идиллии подобного рода, разумеется, не долговечны в нашем полицейском государстве. Они исчезают, как дым, при столкновении с охранителями порядка. Но интересно, что и в этих столкновениях рабочая масса

проявила очень много такта, выдержки и мужества. «Встречая офицеров и солдат, — продолжает тот же корреспондент, — осторожно и пассивно следовавших в стороне, рабочие заговаривали с ними на самые откровенные политические темы и — это интересно отметить — не получали от них никакой резкой отповеди, а большей частью или легкие возражения или расспросы о целях движения в благодушно-недоумевающем тоне». С другой стороны, будучи атакована, масса умела постоять за себя, отбиваясь камнями, кольями, а иногда и огнестрельным оружием. Кровь лилась с обеих сторон, и эти кровавые столкновения, конечно, еще более усилили в рабочих чувство недовольства, а вместе с тем они дают российской социал-демократии ясное указание относительно того, каковы должны быть отныне наши демонстрации. После колоссального движения нынешнего лета демонстративные прогулки кучек, хотя бы и в несколько сот человек, немедленно разгоняемых полицией, могут быть уместны только в отсталых уголках нашего отечества; там же, где движение приняло большие размеры, наши демонстрации должны стать массовыми движениями, подобными последним стачкам. Но именно потому, что демонстрации должны сделаться там движениями массы, их, по крайней мере в течение некоторого времени, — нельзя будет приурочивать к какому-нибудь заранее определенному сроку: тут все зависит от обстоятельств, которых нельзя усчитать заранее. Заранее можно сказать только одно: наше соц.-демократическое движение будет все более становиться широким массовым движением. Обстоятельства как нельзя более благоприятны для этого, и наши товарищи, без сомнения, сумеют ими воспользоваться.

Кроме того, теперь, когда рабочая масса показала, что она не хочет безропотно сносить полицейские побои, нам в наших демонстрациях нетрудно будет давать вооруженный отпор разбойникам «порядка». Организация такого отпора, на необходимость которого «Искра» указывала уже полтора года тому назад, стала поистине практическим вопросом дня.

Наконец, последним, и, может-быть, самым важным уроком летних стачек, является тот вывод,— основанный, к сожалению, на самых неоспоримых фактах,— что наша рабочая масса, зреющая буквально не по дням, а по часам, все-таки еще не вся готова к сознательному политическому действию.

Если бы уже вся она созрела для него, то невозможной стала бы та травля «политиканов», т. е. политических агитаторов, которой местами не без успеха занимались «независимые»[4]. А так как революция может быть сделана только массой, то выходит, что переживаемый нами «канун революции» имеет шансы протянуться дольше, чем это думают некоторые слишком радужно настроенные или слишком легкомысленные оптимисты. И, чтобы помочь этому горю, нет другого средства, помимо того, которое мы так часто рекомендовали, не менее часто вызывая остроумные насмешки некоторых остроумных людей: агитация и организация; организация и агитация, и еще агитация, и еще организация! Как неудовлетворительна до сих пор организация наших сил, это видно из того факта, который нам надо иметь мужество признать громко и открыто, — что руководство «всеобщими стачками» принадлежало нашим комитетам далеко не в той степени, в какой это желательно и необходимо. Что же касается до агитации, то всякий видит, что поводы для нее встречаются теперь на каждом шагу и что каждое усилие сколько-нибудь толкового агитатора обещает немедленно принести самые роскошные плоды.

В прежнее время, когда наше революционное движение было движением небольшого слоя разночинцев и когда все его силы исчерпывались небольшими партизанскими отрядами, гибель каждого отдельного борца обыкновенно зажигала в сердцах его немногочисленных товарищей жажду мести. Теперь, когда в движение вошли широкие слои пролетариата, гибнут уже не отдельные лица; теперь кровь льется ручьями, и теперь жажда мести горит в тысячах и тысячах рабочих сердец. Но сообразно с ростом нашего движения растет и цель, которую ставят себе мстители. Гибель отдельных представителей власти не имеет для них значения. Их жажда мести может быть удовлетворена только крушением всей, так позорно давящей нашу страну, политической системы. А к этой цели ведет только один путь: политическое воспитание рабочей массы. Над этим воспитанием и трудится российская социал-демократия. Это — свойственный ей род терроризма, и этот терроризм несравненно страшнее и опаснее для правительства, чем терроризм «первой манеры».

[Г. Плеханов]

ЭРА РЕФОРМ.

Да, мы переживаем, несомненно, эру реформ, как ни странно звучат эти слова в применении к современной России. Застой во всех областях внутренней политики, кроме тех, которые связаны с борьбой против внутреннего врага, и несмотря на это — вернее, именно в силу этого, — постоянные непрекращающиеся попытки реформ, покушения на реформы в области самых больных, самых боевых общественно-политических отношений. Пролетариат, пробуждающийся к сознательно-классовой жизни, выступил уже довольно давно как настоящий, как главный, как единственно-непримиримый враг нашего полицейского самодержавия. А с таким врагом, как передовой общественный класс, нельзя бороться одним насилием, хотя бы и самым беспощадным, самым организованным, самым всесторонним насилием. Такой враг заставляет считаться с собой и итти на уступки, всегда неискренние, всегда половинчатые, часто совершенно лживые и кажущиеся обыкновенно обставляемые рядом более или менее тонко прикрытых ловушек, но все-таки уступки, реформы, составляющие целую эру. Это не те реформы, конечно, которые знаменуют нисходящую линию политического развития, когда кризис миновал, буря пронеслась и оставшиеся господами положения приступают к осуществлению своей программы или (бывает и так) к осуществленню программы, завещанной их противниками. Нет, это реформы восходящей линии, когда все более и более широкие массы привлекаются к борьбе, когда кризис еще только близится, когда каждая схватка, снимая с поля битвы сотни, порождает тысячи новых борцов, более озлобленных, более смелых, более обученных.

Такие реформы являются всегда предвестником и преддверием революции. К числу их, несомненно, принадлежат последние, частью осуществленные, частью только намеченные мероприятия царского правительства: проект закона об обществах взаимопомощи рабочих (проект, неопубликованный правительством и известный лишь из сообщений либерально-буржуазного «Освобождения») и законы о вознаграждении рабочих, пострадавших от увечий[5], и о фабричных старостах. Мы намерены теперь подробнее остановиться на этом последнем законе.

Суть нового закона состоит в том, что рабочие при известных условиях могут получить право представительства в их сношениях с предпринимателями, право некоторой зачаточной организации. Обставлены эти права невероятным количеством полицейских разрешений, ограничений и стеснений. В самом деле, прежде всего следует принять во внимание, что по новому закону право представительства рабочих обусловлено согласием и инициативой заводоуправлений и разрешением присутствий по фабричным и горнозаводским делам. Право представительства *могут* давать рабочим хозяева заводов, но они нисколько не обязываются к этому законом, причем фабричное присутствие может не допустить представительства даже при ходатайстве о нем со стороны фабриканта, может не допустить по каким-угодно соображениям и хотя бы без всяких соображений. Таким образом, с самого начала представительство *рабочих* отдано целиком и безусловно, безапелляционно на усмотрение *хозяев* и *полиции*. Когда хозяевам и полиции сие покажется удобным и желательным, они могут устраивать (на весьма узких началах) рабочее представительство — такова суть реформы. О представительстве на казенных заводах, в скобках будь сказано, закон не говорит ни слова: на частных заводах представители рабочих *могут* оказаться в руках полиции новыми агентами, новыми фабричными дворниками, а на казенных заводах агентов и дворников всегда достаточно! Полиция в этой области реформ не требует, — значит, реформа тут и не надобна.

Далее. Самому представительству рабочих придана безобразно-искаженная форма. Рабочие раз'единяются, раздробляются на *разряды*; правила о том, как именно делить рабочих на разряды, утверждаются *губернатором*, как *и все вообще правила*, относящиеся к организации представительства по новому закону. Фабриканты и полиция могут составлять и, разумеется, будут составлять разряды таким образом, чтобы всячески затруднять солидарность и соединение рабочих, чтобы вызывать и разжигать рознь не только между профессиями, между цехами, но и между рабочими разных наций, разных полов, разных возрастов, разных степеней выучки, разной высоты заработка и т. д. и т. д. Представительство рабочих, может быть, и бывает полезно для рабочих исключительно тем, что рабочие соединяются в одну массу, ибо единственный источник силы у забитых, угнетенных, задавленных работой наемных рабов нашей цивилизации — это их соединение, их организованность, их солидарность. Царское самодержавие хочет дать рабочим *такое* представительство и на *таких* условиях, чтобы всячески *раз'единить* и этим обессилить рабочих.

Полицейски составленные разряды должны будут выбирать на основании подробных полицейских правил *кандидатов* в старосты, при том стольких кандидатов, скольких велит выбирать полиция. Утверждать одного из кандидатов, по своему усмотрению, будет управление завода, а губернатор всегда имеет право устранить от должности старосту, «не удовлетворяющего, — как сказано в законе, — своему назначению».

Не очень же хитра вся эта полицейская механика! «Назначение» старост состоит, очевидно, в том, чтобы быть полезным полиции, быть угодным ей; закон об этом

ДЕЛО О ТИПОГРАФИИ «ИСКРЫ».

В № 43 мы поместили краткую заметку об этом деле; печатаем теперь полностью полученный нами обвинит. акт.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

о рядовом из мещан Леоне Исаакове Гольдмане (он же Ицка Борухов Риман), 26 лет, и мещанах Мере Лейбовой Гинзбург (по мужу Риман и Гольдман), 25 лет, Хине Нусиновой Корсунской, 23 лет, Герше Беркове Элькине, 28 лет, Мане Мордуховой Школьник, 23 лет, и Ароне Абрамове Шпайзман, 25 лет, содержащихся под стражей.

В ночь на 9 февраля 1902 г. в г. Кишиневе, в виду ожидавшихся беспорядков политического характера, был произведен ряд обысков у лиц, заподозренных в подготовительной к этим беспорядкам деятельности и в знакомстве с неблагонадежными лицами. По этим обыскам обнаружено следующее: 1) в квартире чернорабочего винных складов, местного мещанина Герша Хаимова Брантмана, в комнате его квартирантки, модистки, мещанки м. Сморгони Виленской губ., Мани Школьник найдены завернутый в бумагу типографский шрифт, весом около 29 золотников, и употребляющиеся при книгопечатании типографские принадлежности — 4 марзана, 10 реглеток и 4 шпации, весом 3 фунта 24 золотника. Вместе с тем найдено письмо на еврейском языке, — повидимому, ответ на письмо Мани Школьник. Кроме Мани Школьник, в той же комнате спал ее знакомый маляр местный мещанин Арон Шпайзман. В кармане его пальто обнаружен деревянный валик, с гнездами на концах, употребляемый для отливки валиков, необходимых при книгопечатании. Затем в принадлежащем к квартире Брантмана коровнике, в яслях, оказался сверток бумаг со вложенными в них следующими типографскими принадлежностями: двумя кусками типографской массы, употребляемой для отливки валиков, необходимых для типографских станков, и жестяной формой для отливки означенных валиков, по величине соответствующей деревянному валику, найденному в кармане Шпайзмана. В свертке же бумаг оказались следующие гектографированные нелегальные издания: 1) брошюра «Господа Обмановы» и газеты «Россия», Одесса 1902 г., 2) воззвание, начинающееся словами: «Итак, мы, умеренные либералы» за подписью «Группа студентов», с датой «1901 г. ноября 23», и 3) такое же воззвание, начинающееся словами: «Товарищи, снятие забастовки 16 января 1902 г.», с датой «25 янв. 1902 г.» и с оттиском печати «О. К. Ст.». По поводу обнаруженного Брантман об'яснил, что ни один из найденных предметов ему не принадлежит. Школьник же и Шпайзман признали, что письмо на еврейском языке принадлежит Школьник, а все остальное — издания и типографские принадлежности — им обоим, и что все эти предметы переданы им для сохранения лицом, которого они знают только под именем «Викдорчика», но место нахождения последнего им неизвестно; Школьник отказалась также назвать автора указанного письма.

2) 12 марта унтер-офицер Бессарабского жанд. управления Твердохлебов, узнав, что на вокзале находится разыскиваемый департаментом полиции виленский мещ. Леон Исааков Гольдман, проживавший в Кишиневе под именем

ничего не говорит, ибо о таких условиях не говорят: их подстраивают. Подстроить это более чем просто, раз глава местной полиции, губернатор, получает бесконтрольное право смещать неугодного старосту. Еще раз: не вернее ли было бы назвать такого фабричного старосту фабричным дворником? Полиция может назначать выборы очень большого числа кандидатов, из которых только один утверждается; наприм., выбирать повелено будет десять или пять кандидатов каждому разряду, скажем, во 100 или 50 человек. Нельзя ли будет иногда этот список избранных кандидатов превратить в список подлежащих особому надзору, а то даже и подлежащих заарестованию лиц? Прежде такие списки составляли только шпионы, а теперь, может быть, их будут составлять иногда и сами рабочие? Опасного же или даже неудобного для полиции в списке кандидатов ничего нет, ибо утверждать будут всегда худшего или никого не утверждать, а требовать новых выборов.

В своем стремлении сделать фабричных старост удовлетворяющими полицейскому «назначению» новый закон (как и большинство русских законов) даже переусердствовал. Кандидаты должны быть не моложе 25 лет. Первоначальный законопроект предполагал предельный возраст — 21 г., высшие правительственные сферы сочли более осторожным и государственно-мудрым повысить его еще на четыре года, чтобы заранее устранить «наиболее беспокойный элемент фабричного населения», каковым, «по данным департамента полиции, являются лица в возрасте от 17 до 20 лет» (из об'яснительных мотивов министерства финансов, напечатанных в «Вестнике Финансов» с сокращениями, а в «Освобождении» без сокращений). Мало того. Заводоуправление и полиция могут в каждом отдельном случае, т. е. для каждого отдельного заведения, требовать установления, во-первых, более высокого предельного возраста и, во-вторых, продолжительности службы рабочего в предприятии. Возможно, например, что потребуют возраста не менее 40 лет и не менее 15 лет службы на заводе для того, чтобы иметь право быть выбранным в кандидаты на пост старосты! Об одном, кажется, не подумали составители закона, столь ревниво оберегавшие интересы полиции: охотно ли пойдут рабочие при таких условиях на этот «пост» старосты? Ведь староста почти так же отдан на произвол полиции, как какой-нибудь деревенский десятник. Ведь староста может быть превращен в простого рассыльного, передающего рабочим распоряжения и раз'яснения фабричного начальства. Ведь от старосты будут требовать, несомненно, чисто-шпионских услуг и отчетов о тех собраниях разрядов, которые старостами собираются и за порядком в которых старосты наблюдают. А между тем закон, предусматривающий правила об освобождении старост от работы для исполнения их обязанностей, скромно умалчивает о том, будут ли старосты получать вознаграждение и от кого. Неужели составители закона думают, что освобожденные от работы старосты не потребуют себе платы от завода за это «свободное» время? Уж не станут ли они, по воле заводчиков и губернаторов, служить в старостах ради одних только прекрасных глаз этих верных друзей рабочего народа?

Стремление превратить старост в фабричных дворников особенно видно также из пункта третьего нового закона: старосты признаются уполномоченными разрядов для заявлений только по делам, касающимся исполнения условий найма. Об изменении условий найма старосты не имеют даже права и заговаривать! Хороши «уполномоченные» рабочих, нечего сказать! И как нелепо это постановление даже с точки зрения самих составителей закона, которые хотели облегчить «выяснение истинных желаний и нужд рабочих» «в особенности в то время, когда уже возникли неудо-

---

богуславского мещанина Ицки Борухова Римана, задержал его, причем последний назвался Риманом. При производстве в тот же день обыска в квартире задержанного Гольдмана, назвавшегося Риманом, там оказались проживавшие вместе с ним и женой его Мерой Лейбовой, урожденной Гинзбург, не имевшие определенных занятий мещанин гор. Гадяча, Полтавской губ., Герш Берков Элькин и новомосковская мещанка Екатерин. губ., Хана Нусимова Корсунская. В момент прихода полиции Мера Риман (она же Гольдман), Элькин и Корсунская печатали на книгопечатном станке обложки для брошюры «Легальные союзы». При обыске в квартире были найдены: 1) типографский станок с ручным приводом, вместе с принадлежностями для набора и печатания, всего весом 2 пуда 9 фунтов, 2) 4 пуда 32 фунта типографского шрифта, 3) три стола, из коих два с секретными типографскими кассами, 4) ручной кожаный чемоданчик, приспособленный к переносу типографского шрифта, 5) железная линейка, 6) три ножа: а) финский, б) для обрезки бумаг и в) переплетный нож, 7) два деревянн. клише: одно для напеч. заголовка газ. «Искра», а другое срезанное и испорченное, но по сохранившимся на нем следам букв можно прочесть слово «Вперед», 8) машинка чугунная для брошюровки проволокой (американский переплетчик), 9) две картонных коробки, в которых оказалось несколько сотен обыкновенных булавок, 10) два ключа к винтам и гайкам типографского станка, 11) 5 жестяных коробок с типографской краской, 12) деревянный ящик для упаковки типографского станка, 13) медный цилиндр с типографской массой для валиков и т. д. В типографском станке оказался приготовленный к работе набор, при оттиске которого отпечаталось следующее: на правой половине листа «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия», «Легальные союзы и русское рабочее движение», издание «Искры», марта 1902 г. Типография «Искры»; вокруг этой надписи виньетка. На левой половине «Цена 10 коп.». В общем оттиск набора дал обложку для брошюры «Легальные союзы». Затем оказался другой набор шрифта, также, видимо, приготовленный к печатанию: «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия». «Что же дальше», Г. Плеханова (оттиск из второй книжки «Зари»), издание «Искры». Типогр. «Искры». Сентябрь 1901 г.». Кроме того, в квартире Риманов (Гольдман) найдены разные нелегальные сочинения и переписка, а именно: воззвания «Ко всем русским рабочим», по поводу наступающего первого мая. «Ко всем харьковским рабочим», по поводу необходимости ознаменовать демонстрацией день 19 февраля, листок из «Искры», озаглавленный «Начало демонстрации», № 8 газеты «Искры», № 10 «Искры», брошюра «Что же дальше», издание и типография «Искры», брошюра «В защиту иваново-вознесенских рабочих», приложение к № 9 «Искры», 19 экз. брошюры «Легальные союзы и русское рабочее движение», 683 экз. брошюры «Борьба с голодающими», типогр. «Искры», 269 экз. воззваний от «Харьковского Комитета Российской Социал-Дем. Раб. Партии» «К обществу», приглашающих всех русских граждан к борьбе с царским самодержавием. 1.504 экз. разноцветных обложек для брошюры «Легальные союзы и русское рабочее движение», типография «Искры», ц. 10 к., 4 пуда 32 фунта несброшюрованных листов этой брошюры и 3.497 разноцветных чистых полулистов для обложек к брошюрам. В найденной записной книжке из 38 лист. 18 оказались заполнен-

вольствия и волнения». В девяти случаях из десяти волнения вытекают именно из требований изменить условия найма, и отстранить старост от участия в этом деле значит свести их роль почти на нет. Составители закона запутались в одном из бесчисленных противоречий самодержавия, потому что дать право рабочим уполномоченным (настоящим, а не с полицейского разрешения уполномоченным) требовать изменения условий найма значило бы дать свободу слова и неприкосновенность личности.

Вообще не может быть и речи о том, чтобы признать фабричных старост настоящими рабочими уполномоченными. Уполномоченный должен быть выбран только рабочими, без всякого утверждения полицией. Уполномоченный должен быть смещен тотчас, как только выбравшие его рабочие вотировали ему недоверие. Уполномоченный должен являться для отчета на собрания рабочих по всякому их требованию. А по нашему закону только старосте предоставляется собирать рабочих избравшего его разряда и притом на месте и во время по указанию управления предприятия. Значит, староста может и не собирать, а управление может не давать ни места, ни времени. Целесообразнее было бы, пожалуй, вовсе не заговаривать о рабочем представительстве, чем дразнить рабочих таким представительством в приглядку.

Рабочие собрания внушают такой страх (и законный страх) самодержавию, что собрания разных разрядов вместе оно безусловно запрещает. «Для обсуждения дел, относящихся к нескольким разрядам, — постановляет новый закон, — собираются исключительно старосты этих разрядов». Для капиталистов и для защищающего их полицейского правительства это было бы, в самом деле, очень выгодно: составить маленькие по числу членов разряды из мастеров, служащих и высоко-оплачиваемых рабочих, составить бо́льшие по числу участников разряды чернорабочих и простых рабочих — и допустить собрания только старост разных разрядов. Но подобный расчет составлен без хозяина: хозяином своей судьбы является сознательный пролетариат, который с презрением отбросит прочь эти жалкие полицейские клетушки, в которые его хотят рассадить. Рабочие будут собираться вместе для обсуждения своих дел и устраивать тайные собрания своих настоящих соц.-демократических старост, несмотря ни на какие запрещения.

Но если эта жалкая реформа до такой степени заражает полицейски-шпионским духом зачатки рабочего представительства, то не следует ли сознательным рабочим совершенно отстраняться от всякого участия в выборах фабричных старост или в собраниях «разрядов»? Мы думаем, что не следует. Отстраняться от активного участия в современной политической действительности, как бы гнусна она ни была, — тактика анархистов, а не социал-демократов. Мы сумеем, мы должны суметь развить широкую рабочую борьбу против каждой гнусной кляузы нового закона, против каждой шпионской проделки посредством нового закона — и эта борьба будет будить самых отсталых рабочих, будет развивать политическое сознание всех участников российского рабочего полицейско-жандармски-шпионского «представительства». Зубатовские собрания еще гораздо больше, гораздо прямее развращали рабочих, чем будут развращать их угодничающие перед властью старосты, и однако мы посылали на эти собрания сознательных рабочих, которые учились сами и учили других, и однако вся эта зубатовская эпопея кончилась жалким крахом, сделав гораздо больше на пользу социал-демократии, чем на пользу самодержавия: одесские события не оставили и тени сомнения на этот счет.

Самодержавие начинает заговаривать о рабочих собраниях. Воспользуемся этим для самой широкой пропаганды и агитации социал-демократических требований

ными записями ежедневных расходов, разбитыми на два периода с 1 марта по 30 декабря и с 1 января по 11 марта, без обозначения года; в книжке этой имеется, между прочим, такая запись: к отчету расхода 452 р. 9 коп.; в отделе о приходе значится, что к 1 января осталось от прошлого года 16 руб. 77 коп. и занесены поступления: «Заря», осталось от поездки 45 руб., за литературу 10, за литературу 21, общая же сумма прихода за январь и февраль месяцы определена в 1.285 руб. 15 к., а расход с 1 апреля по 18 июля выведен в сумме 320 руб. 64 коп. и т. д. Наконец, к дознанию приобщены найденные в квартире Гольдмана рукописи: «Обуховская оборона», по поводу беспорядков на Обуховском заводе и «Рабочее движение на Кавказе» из «Тифлисского движения 1900 и 1901 г.г», а также шифрованная записка. По осмотру чрез экспертов описанного станка и относящихся к нему типографских принадлежностей оказалось, что 1) станок этот с ручным приводом, лежачий, не фабричной работы, сделан по заграничной модели и вполне годен для работы; 2) на станке можно печатать листы размером 31 × 21 сант.; 3) найденный шрифт достаточен для надобностей такой работы, причем им можно печатать на русском языке, еврейского же шрифта вовсе не имеется; 4) из выше перечисленных изданий напечатаны на означенном станке следующие: воззвание «К харьковским рабочим», «К обществу» и «Начало демонстрации», а также № 10 «Искры», брошюры «Что же дальше», «Легальные союзы», «Борьба с голодающими» и «Обвинительный акт по делу о майских беспорядках на Обуховском заводе»; 5) типографская масса была заготовлена для отливки валиков, причем оказался новый валик, очевидно только что вылитый из этой массы, и 6) шрифты и украшения, смотря по разнообразию и смеси их, приобретались по частям из разных типографий.

Найденное у Мани Школьник письмо, будучи переведено с еврейского на русский язык, оказалось письмом без подписи от 30 января 1902 г. близкого для Школьник человека, так как начинается обращением: «Мой лучший верный друг, товарищ Маня» и содержит в себе горячий призыв выполнить задуманное ею, повидимому, политическое убийство. Так автор, вспоминая о покушении на жизнь императора Александра II и последовавшей затем казни Соловьева, говорит: «Маня, такого героя напоминаешь ты мне — Перовскую, и возможно, что скоро мы будем читать во всех газетах, что такая-то девица застрелила его... и я буду сидеть и смотреть на твою карточку». Автор письма выражает удивление по поводу ее преданности «столь возвышенной идее», которую он называет «нашей». Далее он говорит: «Я сижу, и мне представляется, что ты держишь револьвер и стреляешь и в одну минуту ты схвачена и снова у них, у таких тиранов, но совсем не надо бояться, и тогда подойдут слова к Софии Перовской: «была женщина, редко женщины бывают такие отличные, такие нежные, воодушевленные и чудно красивые... Она была призвана для постройки храма свободы и своею кровью она окрасила камень...» «Маня, меня не пугает никакая смерть... лишь была бы польза... чтобы оставалось в каждом, в ком еще не потухла искра свободы; чтобы не имела характера личной мести, а за мрак... Маня, я теперь вижу тебя красным революционером, таким чистым, честным, как блестит этот камень...» Заканчивается это письмо двумя приписками. В первой автор пишет: «благодарю Арона за его заметку; я измучен от ночи и не могу ему особо писать; как будет

полной свободы собраний и сходок. Самодержавие начинает заговаривать о выборах; воспользуемся этим для ознакомления рабочих масс со значением выборов, со всеми системами выборов, со всеми уловками полиции при выборах. И пусть это ознакомление будет не только по книжкам и по беседам, а и ознакомлением на практике: на примере российских, полицейски обставленных выборов, участвуя в этих выборах *, сознательные рабочие будут готовить более и более широкие массы к ведению выборной агитации, к ведению собраний, к отстаиванию своих требований и перед собраниями и перед старостами, к организации постоянного надзора за деятельностью старост. Самодержавие заговаривает о рабочем представительстве; воспользуемся этим для распространения правильных идей о настоящем представительстве. Представителем рабочих может быть только свободный рабочий союз, охватывающий много фабрик и много городов. Фабричное представительство, представительство рабочих на каждой отдельной фабрике, не может удовлетворить рабочих даже на Западе, даже в свободных государствах. Вожди социал-демократической рабочей партии, напр. в Германии, не раз восставали против фабричного представительства. И это понятно, ибо гнет капитала слишком силен, и право увольнять рабочих — это священное право капиталистического свободного договора — всегда будет обессиливать представительство рабочих на каждой отдельной фабрике. Только рабочий союз, соединяющий рабочих многих фабрик и многих местностей, устраняет зависимость представителей рабочих от отдельного фабриканта. Только рабочий союз обеспечивает все те средства к борьбе, какие только вообще возможны в капиталистическом обществе. А свободные рабочие союзы мыслимы только при политической свободе, при условии неприкосновенности личности, свободы сходок и собраний, свободы выборов депутатов в народное собрание.

Без политической свободы всякие формы рабочего представительства останутся жалким обманом, пролетариат останется попрежнему в тюрьме, без света, воздуха и простора, необходимых ему для борьбы за свое полное освобождение. В этой тюрьме правительство прорезывает теперь крошечное отверстие вместо окна, устраивая притом это отверстие так, чтобы оно принесло больше пользы жандармам и шпионам, которые стерегут заключенного, чем самому заключенному. И такую-то реформу палачи русского народа хотят выдать за благодеяние царского правительства! Но русский рабочий класс при помощи этого отверстия вдохнет в себя новые силы к борьбе, он сравняет с землей все стены проклятой всероссийской тюрьмы и завоюет себе свободное классовое представительство в буржуазном демократическом государстве.

[Н. Ленин]

* Конечно, организованных рабочих не следует ни в каком случае выбирать в старосты; кандидатами надо выставлять подходящих людей из неорганизованной массы.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО БУНДОВСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА.

Заграничный Комитет Бунда только-что выпустил листок с отчетом о пятом[6] с'езде Бунда. С'езд имел место в июне (ст. ст.). Из его решений главное место занимает «проект устава» о положении Бунда в партии *. Проект чрезвычайно поучителен и, с точки зрения определенности и «решительности» содержания, не оставляет

* См. отдел «Из партии».

с моей газетой, ведь ты обещала прислать адрес... и непременно послать мой адрес в Курск». Во второй же приписке значится: «Пиши, верно ли насчет Жени; не верится, но все может быть... Павел теперь в Москве и идет на 4 года в Сибирь, его жена едет за ним; пошли интересную посылку». Далее к делу приложено открытое письмо на еврейском языке от 14 марта 1902 г., приготовленное Маней Школьник для секретной отсылки из тюрьмы и задержанное тюремным надзирателем. Это письмо адресовано в г. Луков, Седлецкой губ., второй артиллерийский полк, канониру Давиду Ройтерштерну и начинается словами: «Любезный брат, мое положение тебе известно». В нем говорится: «Ты можешь пойти на квартиру, куда я тебе пошлю эту посылку, то ты все узнаешь». Заканчивается письмо фразой: «Ожидаю с нетерпением. Твоя любящая сестра Маня». Это письмо, как установлено произведенной экспертизой сличения почерков, написано Маней Школьник. В виду этого 18 марта 1902 года был произведен в г. Глухове обыск у канонира 2-го летучего артиллерийского полка из мещан г. Аккермана Давида Аронова Ройтерштерна, и у него были найдены четыре письма от Мани Школьник и одно письмо от Арона Шпайзмана, а также рукописи преступного и тенденциозного содержания. Между фотографиями оказалась карточка Мани Школьник. По переводе с еврейского на русский язык в письмах Школьник обнаружены следующие, заслуживающие внимания места: а) в письме от 1 января 1902 г., начинающемся словами «лучший друг Давид», Маня Школьник пишет: «Наша литература едва в состоянии выразить то, что произошло в прошлом году, а именно: этот год дал нам то, чего мы давно ожидали... В последнее время во всех городах началась чистая политическая революционная борьба... Мы стали гораздо ближе к нашей цели...» Далее она говорит, что в Одессе образовалась группа социалистов-революционеров, деятельность которых выражается в издании хорошо составленных прокламаций, и что она, Школьник, тоже в настоящее время принадлежит к этой группе; она начала работать в Одессе, но, опасаясь измены одного из агитаторов, уехала оттуда, но она об этом не жалеет, «так как в нашей подпольной работе, — говорится в письме, — много разного рода работ, так как я не могла входить в массу, то приняла на себя другие работы; хотя такая работа для меня скучна, однако я должна мучиться, так как на мое место нет еще другого... Мы думаем в этом месяце выпустить рабочую газету, но меня смущает одна мысль, удастся ли это: следят за каждым шагом, а потому не знаю, выкрутимся ли мы и останемся ли на свободе... Я хочу тебе послать кое-что, но так как я не знаю, получил ли ты мою последнюю посылку... Пиши, могу ли я послать тебе то, что хочу...» В письме от 16 января она говорит, что она находится в Одессе, но скоро выезжает в Кишинев, что в Одессе арестованы ее подруги по революционной работе и что она вышлет ему «газету». В письме от 27 января Маня Школьник сообщает, что пробыла в Одессе десять дней и что она уже около трех месяцев «переменила свое ремесло, став наборщицей»; хотя работа эта ей кажется скучной, тем не менее она не считает себя в праве от нее отказаться, так как ее некем заменить. «Если бы я отказалась, — пишет она, — то мой брат не сможет дальше вести типографию»; мечтая о более активной деятельности, она говорит: «я не хочу пасть жертвой, пока не увижу крови на-

желать ничего лучшего. Собственно говоря, первый параграф проекта настолько уже ярок, что остальные являются либо простым пояснением, либо даже совершенно ненужным балластом. «Бунд есть,—гласит § 1,— федеративная (курсив наш) часть Росс. Соц.-Дем. Раб. Пар.». Федерация предполагает договор между отдельными, совершенно самостоятельными, целыми, которые определяют свои взаимные отношения не иначе как по обоюдному добровольному согласию. Неудивительно поэтому, что «проект устава» говорит неоднократно о «договаривающихся сторонах» (§§ 3, 8, 12). Неудивительно, что с'езду партии, на основании этого проекта, не дается права изменять, дополнять или отменять устава, касающегося части партии. Неудивительно, что Бунд выговаривает себе «представительство» в Центральном Комитете Партии и разрешает этому Центр. Ком. Партии обращаться к еврейскому пролетариату и сноситься с отдельными частями Бунда «лишь с согласия Центр. Ком. Бунда». Все это логически неизбежно вытекает из понятия «федерация», из понятия «договаривающиеся стороны», и если бы пятый с'езд Бунда просто постановил, что Бунд образует самостоятельную социал-демократическую национальную (или, может быть, националистически-социал-демократическую?) партию, то он сберег бы себе (и другим) много времени, много трудов и много бумаги. С одной стороны, было бы сразу и без всяких околичностей ясно, что самостоятельная, отдельная партия может определять свои отношения к другим партиям только как «договаривающаяся сторона» и только на началах «взаимного согласия». Незачем было бы перечислять все отдельные случаи, когда такое согласие требуется (да и невозможно, по самой сути дела, перечислить все такие случаи, а давать не полный перечень, как дает Бунд, значит открывать дверь массе недоразумений). Незачем было бы насиловать логику и совесть, называя договор двух самостоятельных единиц уставом о положении одной части партии. Это благовидное и благоприличное наименование («устав о положении Бунда в партии») тем более лживо по своему существу, что вся партия фактически еще не восстановила своего полного организационного единства, и Бунд выступает как сплотившаяся уже часть, которая хочет использовать недочеты общей организации для того, чтобы отодвинуться еще дальше от целого, для того, чтобы попытаться навсегда раздробить это целое на мелкие части.

С другой стороны, прямая постановка вопроса избавила бы составителей пресловутого проекта устава от обязанности писать пункты, предусматривающие права, которые имеет всякая организованная часть партии, всякая районная организация, всякий комитет, всякая группа, напр. право разрешать, руководствуясь программой партии, такие общие вопросы, по которым партийными с'ездами не вынесено резолюций. Писать уставы с подобными пунктами просто смешно.

Перейдем теперь к оценке по существу той позиции, которую занял Бунд. Вставши раз на наклонную плоскость национализма, Бунд естественно и неизбежно должен был (если он не хотел отказаться от своей основной ошибки) прийти к образованию особой еврейской партии. Именно к этому и подходит вплотную § 2 устава, дарующий Бунду монополию на представительство еврейского пролетариата. Бунд входит в Партию, — гласит этот параграф, — в качестве его (еврейского пролетариата) единственного (курсив наш) представителя. Никакими районными рамками деятельность Бунда и организация Бунда не должна быть ограничена. Таким образом, полное отделение и размежевание еврейского и нееврейского пролетариата России не только

шего вампира... Я готова предать себя на эшафот, но прежде видеть кровь наших издевателей... но нет, Давид, я прежде увижусь с тобой, а затем я рассчитаюсь за все с нашими врагами и тогда я пойду с чистой совестью и буду жить там, далеко от всех, но зато с близкой надеждою, что вот скоро кончится варварское управление и наступит свобода...» Под еврейским текстом этого письма имеется приписка, сделанная по-русски, как установлено экспертизою сличения почерков, рукой Арона Шпайзмана: «Дорогой Давид! На ваш вопрос, что я делаю, я не могу вам ответить, но в общем делаю что-нибудь... Буду очень рад получить от вас письмо. Арон». Наконец в письме от 6 февраля Школьник пишет: «Любезный Давид! Я получила твое письмо; я теперь очень счастлива, еще одна минута, и я могла бы пойти туда, где я с тобою уже не виделась бы... И ты должен знать причину моего нынешнего счастья»; далее она пишет о том, что случилось с нею в квартире, где она работала, причем прибавляет: «Ты уже знаешь, что это за работа...» «Хозяйка этой квартиры, — пишет Школьник, — уехала в Одессу, а все мои вещи остались на этой квартире, и, когда на другой день я пришла их получить, то хозяин дома не хотел выдать вещей; тогда я поехала в Одессу, привезла оттуда хозяйку и выручила вещи; представь себе мое счастье: сегодня утром я отобрала уже все... Сегодня я уже свободна». Далее она говорит, что при получении его письма у нее сидел Арон, которому «я показала слова, которые ты пишешь относительно террора. Я с тобою согласна, так как общее лишь, а отнюдь не личное, в состоянии сдвинуть деспотическое правительство... Я уже выслала тебе газету». Наблюдением установлено, что 30 января 1902 года Маня Школьник приехала в Одессу и в тот же день возвратилась в г. Кишинев, причем в Одессе виделась с Соломоном Бернштейном, Ноихом Финкельштейном и Брусиловским, привлеченными к дознанию при Одесском жандармском управлении по делу «об Одесской группе социалистов-революционеров». По словам свидетелей Меера и Суры Бальтман, они в конце 1901 г. поселились в г. Кишиневе; вскоре после этого у них наняла комнату модистка Маня Школьник, которую они раньше не знали; она ежедневно куда-то уходила с утра и домой возвращалась только вечером, причем говорила, что ходит работать по своей специальности. В январе месяце 1902 года они переехали на жительство в Одессу, а квартиру оставили в распоряжении Мани Школьник, отдав ей и ключ от наружной двери квартиры; через некоторое время Школьник приехала к ним в Одессу и просила Суру Бальтман поехать с нею в Кишинев, так как хозяйка дома Анастасия Михайловна заперла квартиру своим замком и не разрешает ей взять вещи; Бальтман поехала в Кишинев, и тогда Михайлуца отдала Мане Школьник ее вещи; чемодан, подушку, белье и платья; где после того поселилась Маня Школьник — им неизвестно. Это подтвердила и свидетельница Анастасия Михайлуца, которая показала, что Бальтманы и Маня Школьник, которые жили в ее доме, казались ей подозрительными; в сумерки, до наступления темноты, они всегда запирали в окнах своей квартиры ставни, а окно в комнате Школьник и днем было завешено занавеской; Маня Школьник часто днем и поздно вечером куда-то уходила; к ней иногда приходил молодой человек, которого она узнает в фотографической карточке Арона Шпайзмана; не дожив месяца, Бальтманы отправили свои вещи на подводе, по

проведено здесь до конца, с безусловной последовательностью, но и закрепляется нотариальным, можно сказать, договором, «уставом», «основным» законом (см. § 12 проекта). Такие «возмутительные» случаи, как дерзновенное обращение Екатеринославского Комитета Партии [7] к еврейским рабочим помимо Бунда (не имевшего тогда никакой особой организации в Екатеринославе!), отныне должны, по мысли нового проекта, сделаться невозможными. Как бы мало ни было в данной местности еврейских рабочих, как бы далеко ни была расположена эта местность от центров бундовской организации, — никакая часть Партии, даже Центральный Комитет Партии, не смеет обращаться к еврейскому пролетариату без согласия Центрального Комитета Бунда! Не верится, чтобы такое предложение могло быть сделано,— до того чудовищно это требование монополии, особенно при наших русских условиях, — но §§ 2 и 8 (прим.) проекта устава не оставляют места никаким сомнениям. Желание Бунда отойти еще дальше от русских товарищей сквозит не только в каждом пункте проекта, оно выражено и в других резолюциях с'езда. Пятый с'езд постановил, например, выпускать раз в месяц «Последние Известия» (изд. Загранич. Ком. Бунда) «в виде газеты, в которой выяснялась бы программная и тактическая позиция Бунда». С нетерпением и интересом будем ждать выяснения этой позиции. С'езд отменил решение IV с'езда о работе на юге. Как известно, IV с'езд Бунда [8] постановил в тех городах юга, где еврейские организации входят в состав комитетов Партии, «отдельных комитетов Бунда не устраивать» (курсив Бунда). Отмена этого решения есть крупный шаг к дальнейшему обособлению, есть прямой вызов товарищам с юга, которые работали и хотели работать среди еврейского пролетариата, оставаясь в неразрывной связи со всем местным пролетариатом. «Кто сказал А, должен сказать и Б» — кто встал на точку зрения национализма, тот, естественно, доходит до желания окружить китайской стеной свою национальность, свое национальное рабочее движение, того не смущает даже и то, что стены придется строить отдельные в каждом городе, местечке, селе, того не смущает даже, что своей тактикой раз'единения и раздробления он превращает в ничто великий завет сближения и единения пролетариев всех наций, всех рас, всех языков. И какой горькой насмешкой звучит после этого резолюция того же V с'езда Бунда о погромах, в которой выражается «уверенность в том, что лишь совместная борьба пролетариев всех национальностей в корне уничтожит те условия, которыми порождаются события, подобные кишиневским» (курсив наш). Какой фальшью отдают эти слова о совместной борьбе, когда нам тут же преподносят «устав», не только отдаляющий совместных борцов друг от друга, но и закрепляющий это отдаление и отчуждение организационным путем! Как хочется дать бундовским националистам совет: поучитесь у тех одесских рабочих, которые шли на общую стачку, на общие собрания, на общие демонстрации, не запросив сначала (о, дерзновенные!) «согласия» Центрального Комитета Бунда на обращение к еврейской нации, которые успокаивали торговцев, говоря (см. № 45 «Искры»): «не бойтесь, не бойтесь, это вам не Кишинев, мы совсем другого хотим, среди нас нет ни жидов, ни русских, мы все рабочие, всем нам одинаково тяжело». Пусть подумают товарищи из Бунда над этими словами, если еще не поздно, пусть хорошенько подумают о том, куда они идут!

[Ортодокс-Л. И. Аксельрод]

их словам, в Одессу, а через несколько дней неожиданно и сами уехали, заперев квартиру на замок; в течение двух дней никто на квартиру не приходил, а на третий день пришла Школьник с Ароном Шпайзманом и просила разрешения взять оставшиеся в квартире ее вещи, но она ответила ей, что не даст вещей без хозяйки Бальтман; Школьник через день привезла из Одессы Суру Бальтман, и тогда она разрешила ей взять свои вещи. В найденном у Ройтерштерна письме от Арона Шпайзмана последний говорит, что его удивляет Ройтерштерн, что, стоя вдали от жизни, он не отстал от нее, а даже опередил многих из общих товарищей: «я надеюсь, — заканчивает он это письмо, — что вы скоро увидитесь с Маней, и она вам передаст более подробно относительно моих дум и моих мыслей и надеюсь, что мы сойдемся». По поводу найденных у Ройтерштерна писем Мани Школьник он об'яснил, что переписывался с ней на еврейском языке от 30 января 1902 года, написано им все не с целью побудить Маню Школьник к совершению какого-либо преступления, а из желания подделаться под ее тон и расположить ее в свою пользу, так как ему были известны ее революционные убеждения; предполагая жениться на Школьник, он надеялся впоследствии отвлечь ее от революционной деятельности. Между тем в сентябре 1902 года, когда Ройтерштерн препровождался из г. Лукова в Кишиневскую тюрьму, у него при обыске было отобрано письмо на еврейском языке, начинающееся словами: «Высокопочтеннейший и лучший друг Леон! Уже шесть месяцев прошло с того времени, как я виделся с вами, и с тех пор я в заточении... О себе не могу сообщить ничего нового. Запрещенного у меня не нашли, кроме нескольких писем от М., которых я не успел уничтожить». Далее Ройтерштерн пишет, что на допросах он не признавал никого, кроме Мани, так как у него нашли ее письма и карточку, причем просит сообщить, в чем обвиняют других, так как он не знает, как держать себя на допросах; интересуется здоровьем Мани и «Арончика» и просит передать Мане сердечный привет. Допрошенный по поводу этого письма Ройтерштерн показал, что письмо написано им и предназначалось для отсылки в г. Одессу его знакомому Леону, фамилии которого он не помнит.

Находясь под стражей, Леон Гольдман заявил, что на вокзале в Киеве им сдана в багажное отделение на хранение корзина с транспортом нелегальной литературы. Действительно выяснилось, что между 9 и 12 февраля 1902 г. артельщику была оставлена невостребованная корзина, в которой по вскрытии оказалось 3.000 экз. воззвания «Ко всем харьковским рабочим», тождественных с отобранными в квартире Гольдманов. 21 января был конфискован в Харькове транспорт изданий той же типографии «Искры»: листки, озаглавленные «Начало демонстрации» и брошюра «Обвинительный акт по делу о майских беспорядках на Обуховском заводе». По показанию мещанки г. Кишинева Мариам Коган, 20 апреля 1901 г. у нее нанял квартиру неизвестный человек, назвавшийся Риманом, и 23 апреля переехал на квартиру с женой, купив необходимую мебель; через месяц у квартирантов поселилась, в качестве прислуги, Хина Корсунская. Отсюда в октябре месяце семья Римана переехала на другую квартиру — в дом Боковой. Содержащий в доме Боковой мастерскую столяр Федор Тимофеев показал, что осенью 1901 г. рядом с его квартирой поселились именовавшие себя Ицком и Мерой Рима-

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Из Гагр. Коронованный вор или царское приданое. 27 июля 1901 года последовал высочайший манифест о бракосочетании сестры царя Николая II, Ольги Александровны, с его высочеством принцем Петром Александровичем Ольденбургским. Придворные кумушки с затаенным дыханием ждали, что вот-вот будет об'явлено о приданом, соответствующем величию и богатству коронованных новобрачных. Увы! Кумушки горько были разочарованы в своих ожиданиях. Что же, спросит читатель, неужели царская свадьба так и обошлась без приданого? Как бы не так! Вероятно, молодому принцу и не снилось, что царь Николай так расщедрится для своей сестрицы! И не только расщедрится, но и скромно умолчит о своих щедротах, дабы принцу не кололи в глаза: вот, мол, женился на приданом! На самом деле царскому зятю по высочайшему повелению была предоставлена в полное распоряжение в том же июле месяце 1901 г. целая Гагринская дача на Черноморском побережьи Закавказья, площадью в 14 тысяч десятин! Вот как описывает официальный орган министерства земледелия историю отвода Гагринской дачи царскому зятьку («Министерские Известия», 1901 г. № 48).

«Гораздо скорее, чем Мацестинский курорт, призвана к жизни первая климатическая станция на Черноморском побережьи Кавказа — в Гаграх, благодаря энергии принца Александра Петровича Ольденбургского, взявшего в свои руки устройство этой станции и распоряжение всей казенной Гагринской дачей, общею площадью около 14 тыс. дес. Дача эта на протяжении около 10 — 12 верст примыкает к морю и затем вдается клином вглубь страны вплоть до полосы альпийских пастбищ на предгориях главного Кавказского хребта; вся дача, в которой растут весьма ценные породы леса, как то: самшит (кавказская пальма), пихта, тисс, каштан, ореховое и оливковое дерево и т. п., весьма гориста и изрезана глубокими ущельями, по которым протекают речки Жоеквара, Гагрибш и др. По климатическим условиям своим, местоположению и красоте видов Гагринская дача давно уже привлекала к себе особенное внимание. Его высочество принц Александр Петрович Ольденбургский, дважды посетивший Гагринскую дачу в 1900 и 1901 гг. и подробно ее осмотревший, во главе целой экспедиции врачей и специалистов, также признал, что дача эта представляет собою редкое в мире сочетание самых благоприятных естественных условий для создания на ней климатической станции и должна быть поставлена как по красоте местоположения, богатству и разнообразию растительности, так и по климату, выше наиболее посещаемых климатических станций Западной Европы. Большая часть Гагринской дачи будет использована для самой санатории и целого ряда связанных с нею учреждений, затем небольшая часть дачи, с развалинами крепости и храма, приобретается в собственность его высочеством принцем Александром Петровичем Ольденбургским и, наконец, часть дачи, площадью, примерно, до 1.000 дес., предназначается, по разбивке ее на участки небольшой величины, в продажу частным лицам, под условием раскультивирования этих участков, возведения на них дач и пр. Суммы, вырученные от продажи мелких участков, как равно и сумма за участок, продаваемый в собственность его высочества принца Александра Петровича Ольденбургского, будут обращаемы на покрытие расходов по устройству Гагринской дачи и возведению на ней санатории и других необходимых построек. На тот же предмет обращаются и все извлекаемые по Гагринской даче доходы от эксплоатации леса, добычи камня, сдачи в аренду отдельных угодий, а равно и от будущей санатории. Но перечисленных сумм будет недостаточно для осуществления предположений его высочества по обращению Гагринской дачи в климатическую станцию, на что, по примерным, представленным принцем Ольденбургским исчислениям, потребуется свыше двух миллионов рублей (в том числе 1.370.000 руб. на первоначальное устройство дачи, канализацию ее, водоснабжение, проведение электрического освещения и т. п. и до 800.000 руб. на возведение зданий санатории с необходимыми службами и на ее оборудование). В виду этого, с высочайшего соизволения признано возможным отпускать на сей предмет, в дополнение к вышеозначенному доходу, по 100.000 руб. в год на десять лет, начиная с 1901 года».

Не правда ли, читатель, самая пылкая фантазия не могла бы вообразить, до каких размеров может дойти царская щедрость!

Но... что же заставило Николая II быть таким скромницей? Это, кажется, не в его характере... Маленькая

нами с прислугой Корсунской; в их квартиру часто приходил неизвестный человек, которого он узнает в фотографической карточке Герша Элькина; окна в этой квартире всегда были завешены занавесками, причем особенное внимание обращало на себя то, что в квартире было как-то особенно тихо и спокойно. Содержательница ночлежного приюта Шифра Коган показала, что Герш Элькин, которого обыкновенно называли «литваком», ночевал в ее ночлежном доме, а на целый день уходил из дому, говоря, что работает на мельнице Гендриха. Однако, по книгам как мукомольной мельницы Гендриха, так и фабричного инспектора в числе рабочих мельницы Элькин не значится, и управляющий этой мельницей Янкель Каменецкий показал, что Элькин на мельнице Гендриха никогда не работал. Затем оказалось, что Герш Элькин послал от 14 октября 1901 г. на имя мещанского старосты г. Гадяча открытое письмо о высылке ему паспорта, по адресу: «Кишинев, Общий пер., д. № 6, Брантману для Элькина». Герш Брантман по этому поводу показал, что он Элькина не знает и что его адрес мог сообщить Элькину Арон Шпайзман; жена же Брантмана, Хая-Инда удостоверила, что Шпайзман, приходя к Мане Школьник, неоднократно спрашивал ее, нет ли писем для него, для «Мани», для «Гриши», и несколько раз получал приносимые почтальоном письма, но кому эти письма были адресованы, она, как неграмотная, не знает.

По сведениям Одесск. жанд. управл. «Маня Школьник, поселившись в 1900 г. в г. Одессе, находилась в постоянных сношениях с проживающими в это время там же супругами Ицком и Марией Риманами, оказавшимися впоследствии Леоном и Мерой Гольдманами. 3 июня помощником начальника Кишиневской тюрьмы Степановым были произведены обыски в двух камерах: в одной, где находилась Маня Школьник с политической арестанткой Антониной Глоба, и в другой, где содержалась Хина Корсунская и Мера Гольдман (она же Риман), причем в первой камере под матрацом Глобы была найдена книга «Воспоминания Дебогория-Мокриевича», парижское издание 1898 г., и вложенная в нее брошюра «Последние Известия», издание «заграничного комитета всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России». Маня Школьник об'яснила, что издания эти принадлежат ей и переброшены были ей через ограду тюрьмы лицом, которого она не желает назвать. Во второй камере: журнал «Южный Рабочий» № 7 1901 г. и рукопись «Эрфуртская программа». Корсунская и Гольдман об'яснили, что журнал «Южный Рабочий» принадлежит последней, а рукопись «Эрфуртская программа» Антонине Глобе. Из дела видно, что мещанин г. Вильно Леон Гольдман призывался к отбытию воинской повинности в 1898 году и 28 октября того же года был принят на военную службу с назначением рядовым Клязьминского резервного батальона. В 1900 г. он был привлечен к дознанию, в качестве обвиняемого, при Виленском Губернском жандармском управлении за принадлежность к сообществу, именовавшему себя «Литовской социал-демократической партией». 30 января 1900 г. со ст. «Вильно» он бежал от сопровождавшего его конвоира и разыскивался на основании циркуляра департамента полиций от 4 марта того же года за № 470; задержанный 12 марта 1902 г. в Кишиневе, он оказался проживавшим по документу на имя богуславского мещанина Виленской губ. Ицки Римана; по этому же документу он вступил 23 мая 1900 г. в брак с мещанкой Мерой Гинзбург. Мера Гольдман (она же Риман, урожденная

вещь для самодержца, конечно. Дело в том, что царскому зятьку в приданое пошла не царская, а казенная, государственная дача, а ведь публиковать о царской щедрости на государственный, голодающей России, счет — едва ли в наше неспокойное время удобно даже и самодержцу. И умолчали... Из той же скромности умолчали и о том, что Гагринская дача идет в приданое, и подставили фиговый листок — санаторию. Из той же скромности вначале умолчали, что казенная дача отводится не царскому зятьку, а отцу царского зятька, чтобы год спустя назначить сынка отцу в помощники... Сколько глупой наивности и наглого бесстыдства в этих скромных фиговых листках! Кому удалось побывать на месте, в Гаграх, именно наивно-бесстыдными покажутся все эти «повеления» о санаториях, подходцы бочком через тестюшку и т. п. На самом деле три (а не два) уже полученные принцем лично через царя из казенной суммы миллионов рублей ухлопано им на свой дворец в Гаграх, на свой парк и прочие обзаведения, подобающие высокому рангу царского зятя! На самом деле, разве сифилис да малярию можно нажить в наскоро оборудованной в Гаграх принцем гостинице для больных, которых, впрочем, сюда не пускают, если они не имеют туго набитой мошны... Тайные советники да генералы будут тешиться у царского зятька, в Монрепо — этом отныне Эльдорадо всех денежных и чиновных тузов.

Как-то служащие принца подсчитывали, сколько станет России это Эльдорадо русских тайных советников. Вышло что-то около 50 миллионов рублей! По нашему убеждению, эта цифра ничуть не преувеличена. За одну квадратную сажень земли, продаваемую в Гаграх под дачные участки, в последнее время предлагают на торгах 53 рубля. Всего принц может продать 2.000 десятин. Вот и считайте: 2.000 × 2.400 × 50 рублей (ровным счетом) получится 240.000.000 р.! Впрочем, утешься, читатель! Принц действует на законном основании с высочайшего разрешения! По воле монарха он «купил» (по 100 р. за одну десятину) 1.000 десятин в Гагринской даче, по воле монарха он и «продает» (по 120.000 руб. каждую десятину из 2.000 десятин...). А как вы думаете, читатель, сознает ли принц, что он грабит Россию?.. А вот посмотрите. Всем газетам о Гаграх можно писать только панегирики, в Гагры не пропускают с пристани ни одного «подозрительного» суб'екта, а буде таковой появится, моментально «выдворяют». Сам принц предлагает писать о санатории «только хорошее».

Захват Гагринской дачи вызвал целую бурю недовольства у абхазцев, аборигенов края, — и для них в Гагры приглашены две пехотные роты... Знает, очевидно, кошка, чье мясо с'ела! Санатория на штыках царских опричников! Совсем идиллия!

В заключение маленький курьез. Принц — любитель всего оригинального. Для того, чтобы пустить питерским вельможам пыли в глаза, он выписал из Персии 12 белых ишаков. Ко дню освящения «санатории» один ишак издох. А принцу хотелось щегольнуть, и вот, когда снимали на карточку группой 11 ишаков, царский зять «для симметрии» стал в середину, и говорят, кому ни задавали вопроса — сколько на карточке всех животных, все отвечали: двенадцать.

Агитация среди учителей. В листке, обращенном к народным учителям и учительницам, «Воронежская Социал-демократическая Касса Борьбы» пишет:

... «В бурные дни, переживаемые нами, когда против правительства ополчается грозный враг — рабочие, когда прежние союзники отходят от него и поддерживают революционное движение, самодержавие ищет опору там, где всегда находило ее — в невежестве крестьянской массы. Интересы самодержавия и широкое народное образование, образование в полном смысле этого слова, несовместимы друг с другом. Правительство это понимает и неуклонно ведет политику духовного оскудения деревни. Закрытие комитетов грамотности, издававших доступные для широких масс книги, сведение к нулю издательской деятельности земств (Вятское), стремление заменить земские школы церковно-приходскими, фиксация земских бюджетов, изумительно скудный государственный бюджет на народное образование, особые каталоги для сельских библиотек, — все это меры, направленные к одной цели — преградить доступ образования в деревню. Эта правительственная политика наиболее сильно отражается на начальном народном образовании и поэтому заставляет нас обратиться к вам. Этой политикой правительство превращает ваше положение в деревне в положение настоящих пролетариев. Круглый день работы и ничтожные 20—25 руб. в месяц. Но этого мало. Вашу личную жизнь окутывает постоянный

Гинзбург), проживая в г. Одессе, обратила на себя внимание своей политической неблагонадежностью и состояла под негласным наблюдением полиции, но скрылась из города Одессы и разыскивалась циркуляром департамента полиции от 1 января 1902 года за № 111. Арон Шпайзман в 1901 г. привлечен в г. Одессе к дознанию, в качестве обвиняемого по делу об Одесском Комитете Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии. На основании изложенного, к дознанию, в качестве обвиняемых, привлечены рядовой из мещан Леон Гольдман (он же Риман) и мещане Мера Гинзбург (по мужу Риман и Гольдман), Хина Корсунская, Герш Элькин, Маня Школьник и Арон Шпайзман. Герш Элькин, Хина Корсунская, Леон Гольдман (он же Риман) и Мера Гинзбург (по мужу Риман и Гольдман) отказались давать показания и только последние об'яснили, что они ложно именовали себя Риманами и что фамилии их Гольдман и Гинзбург. Арон Шпайзман, не признав себя виновным, показал, что с Маней Школьник он познакомился осенью 1901 года, и она по его совету наняла квартиру у Гирши Бронтмана. Корсунскую, Элькина, Гольдмана и Гинзбург (по мужу Риман и Гольдман) он не знает; накануне обыска, произведенного на квартире Брантмана, он гулял с Маней Школьник и встретил своего знакомого «Вигдора», по фамилии ему неизвестного, который передал ему два свертка в желтой бумаге и просил их спрятать; эти свертки он тогда же дал спрятать Мане Школьник; впоследствии оказалось, что в свертках находились шрифт, разные принадлежности книгопечатания и преступные издания, которые были найдены при обыске; о существовании в г. Кишиневе тайной типографии ему не было известно. Наконец, Маня Школьник также не признала себя виновной в принадлежности к преступному сообществу и об'яснила, что найденные в ее квартире при обыске шрифт, принадлежности книгопечатания и преступные издания ей дал спрятать знакомый ее и Арона Шпайзмана, известный ей только по имени «Вигдор»; относительно найденного у нее письма на еврейском языке, а также писанного ею открытого письма на имя Давида Ройтерштерна она никаких об'яснений давать не желает; супруги Риманы или Гольдманы ей неизвестны. На основании изложенного рядовой из мещан г. Вильно Леон Исааков Гольдман, проживавший по паспорту богусловского мещанина, Виленской губ., Ицки Борухова Римана, 26 лет, мещанка г. Вильно Мера Лейбова Гинзбург (по мужу Гольдман и Риман), 25 лет, мещанка г. Новомосковска, Екатеринославской губ., Хина Нусимова Корсунская, 23 лет, мещанка м. Сморгони Ошмянского уезда, Виленской губ., Маня, она же Минка, Мордухова-Шмуйлова Школьник, 23 лет, и мещанин г. Кишинева Арон Абрамов Шпайзман, 25 лет, обвиняются в том, что в 1901—1902 г. в г. Кишиневе, с целью возбудить к бунту или явному неповиновению Власти Верховной и с умыслом ниспровергнуть правительство во всем государстве, устроили в г. Кишиневе тайную типографию, в которой печатали прокламации и брошюры, издания заграничной преступной газеты «Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» — «Искры», озаглавленные «К харьковским рабочим», «К обществу», «Начало демонстрации», «Борьба с голодающими», «Легальные союзы и русское рабочее движение» и другие, причем распространяли эти преступные издания. Преступление это предусмотрено 1 ч. 251 ст. улож. о нак. Вследствие всего и согласно высочайшему повелению, последовавшему

надзор со стороны урядников, попов, земских начальников, со стороны высшей администрации. Инспектор народных училищ Воронежской губ., Барковский, просил „Общество содействия народному образованию" сообщить ему, кто из учителей и какие картины и брошюры преимущественно спрашивает. Общество отказалось. До каких пределов может доходить подозрительность к вам правительства, показывает факт, бывший на станции «Новки» Владимирской губ., где учителям запретили ходить в гости к рабочим, а рабочим к учителям. Вас хотят изолировать от тех, среди которых вы живете, в воспитании которых заключается ваша деятельность. Разве возможно в таких условиях мертвящего произвола воспитывать юные поколения в идее правды и добра! Разве возможно в такой все растлевающей атмосфере административной опеки и надзора осветить лучем света царящий кругом вас мрак и невежество?! Нет и нет! Такая работа приносит лишь нравственное страдание. В такой атмосфере способны лишь зародиться сомнение в собственных силах и отчаяние. Мы глубоко убеждены в том, что всевозможные лишения и невзгоды вы переносите лишь благодаря искреннему и горячему стремлению отдать свои силы на благо изнемогающего и задыхающегося в нищете и невежестве народа. И убеждение это заставляет нас указать вам выход. Если правительство создает всевозможные препятствия на пути вашего легального просвещения народа, так учите, просвещайте крестьянскую бедноту нелегально. И эта работа даст вам самые плодотворные результаты; вы найдете в ней полное нравственное удовлетворение. Примыкайте к широкому освободительному движению, которое так громко заявляет себя от далекой Сибири, Урала до Польши и от Финляндии до Кавказа. Заводите связи с городами, где ведется революционная работа. Читайте и распространяйте социал-демократическую литературу. Устраивайте с этой целью кружки среди крестьян. Руководите ими в столкновениях с администрацией и помещиками. Организуйте стачки за повышение заработной платы и понижение арендных цен. Сообщайте в нелегальную печать о всех случаях насилия и произвола как со стороны кулаков и помещиков, так и низшей и высшей администрации. Подготовляйте всеобщий отказ от уплаты податей и отбывания воинской повинности. И когда на крик рабочих: «долой самодержавие!» раздастся могучий сочувственный отклик крестьянства, тогда падет самодержавный произвол и освобожденный политически народ развернет гигантски свои силы, чтобы осуществить свою конечную цель — освобождение от ига капитала!»

Варшава, 24 июля. За последний год в Варшаве произошла громадная перемена. Если еще всего в прошлом году надо было стоять близко ко всему для того, чтобы знать, что кругом творится, то в настоящее время достаточно выйти на улицу, чтобы почувствовать все то, что носится в воздухе. Целый божий день по улицам, особенно в еврейских кварталах, расхаживают дежурные дворники с толстыми палками. Через каждые пять ворот — дворник. Эти палки не для формы, а для дела. Стоит собраться на улице кучке людей и устроить маленький уличный скандал, как дворники приводят в действие свои палки. Таким образом, недавно убили на ул. Налевки одного еврея, ничего общего с движением не имеющего. На Дикой ул., где по вечерам разгуливает масса рабочих, расхаживает полицейский, разгуливают на лошадях казаки и толпятся переодетые шпионы... Между прочим, толстые палки у прохожих отбираются. Последняя политика и экономически выгодна, так как палки дворников, разгуливая по спинам обывателей, становятся непригодными для дальнейшей своей деятельности. Далее громадная перемена произошла в средних учебных заведениях. Свет и туда проник, но так скоро, так неожиданно для всех, что как-то верить не хотелось — некоторым от страха, другим от удивления, третьим от радости. Поверить, наконец, пришлось и тем, и другим, и третьим. В «четвертой» женской гимназии не окончило курса в этом году 12 человек, из которых некоторые участвовали первого мая в демонстрации. В мужских гимназиях масса беспокойного элемента, много сознательной молодежи.

Мелитополь (Таврической губ.). Вчера, 30 июня, отправлен в Восточную Сибирь студент петербургского Технологического института С. Л. Фрид. Был арестован в Петербурге в начале 1901 года по делу о пропаганде среди рабочих и просидел 1½ года до окончания следствия в доме предварительно заключения. Затем был выслан под надзор в Мелитополь, где и прожил больше года.

Провожать Фрида собралось на вокзале очень много публики, устроившей теплые проводы и от души поже-

---

30 апреля 1903 года, изложенному в ордере Господина Министра Юстиции на имя Прокурора Одесской Судебной Палаты 30 апреля за № 2583, 2 ч. 1030, 1 ч. 1044 и 1050 ст. Уст. Уг. Суд. рядовой из мещан Леон Исааков Гольдман (он же Ицко Борухов Риман) и мещане Мера Лейбова Гинзбург (по мужу Риман и Гольдман), Хина Нусимова Корсунская, Герш Берков Элькин, Маня Мордухова Школьник и Арон Абрамов Шпайзман подлежат суду Одесской Судебной Палаты с участием сословных представителей. Составлен мая 20 дня 1903 года, г. Одесса. Товарищ Прокурора Одесской Судебной Палаты Н. Джибели.

Список лиц, подлежащих вызову к судебному следствию:

Обвиняемые: 1) Гольдман, Леон Исааков (он же Ицко Борухов Риман), рядовой из мещан. 2) Гинзбург, Мера Лейбова (по мужу Риман и Гольдман), мещанка. 3) Корсунская, Хина Нусимова, мещанка. 4) Элькин, Герш Берков, мещан. 5) Школьник, Маня Мордухова, мещанка. 6) Шпайзман, Арон Абрамов, мещанин, содержатся под стражей. Свидетели: 1) Мержвицкий, Иван Иванов, полицейский служитель Кишиневской полиции. 2) Бржозовский, Николай Яковлев, коллежский асессор, пристав. 3) Гавриленко, Иван Михайлов, околоточный надзиратель. 4) Соловкин, титул. советник, пристав 2 уч. г. Кишинева — Кишиневская городская полиция. 5) Брантман, Герш Хаимов, мещ. г. Кишинева, Балановская ул., д. № 44. 6) Брантман, Хая-Инда Беньяминова, мещ., живет там же. 7) Бальтман, Меер Мордухов, мещ. 8) Бальтман, Сура Лейбова, мещ., живет в г. Одессе, Разумовская ул., д. № 9. 9) Михайлуца, Анастасия Ильина, мещ. живет в г. Кишиневе, Остановская ул., д. № 34. 10) Шпринцак, Вольф Лейбов, мещ., живет в г. Кишиневе, угол Прунтовской и Инзовской ул., д. № 6. 11) Коган, Мариам-Бруха Абрамова, мещ. 12) Коган, Хава Мордкова, мещ., живет в г. Кишиневе, угол Садовой и Михайловской ул., д. № 1. 13) Тимофеев, Феодор Феоктистов, мещ., живет в г. Кишиневе, угол Армянской и Подольской ул., д. № 30/35. 14) Фукс, Феликс Абрамов, личный поч. гражд., живет там же. 15) Каменецкий, Янкель Менделев, мещ., живет к г. Кишиневе, Мунчестская дорога, мельница Гендриха. 16) Зондис, Спиридон Константинов, мещ., живет в г. Кишиневе, Бочайская дорога, мельница Зоти. 17) Степанов, Александр Степанов, помощник начальника тюрьмы — Кишиневская тюрьма. Эксперты: 1) Котрубенко, Михаил Трофимов, управляющий типографией «Бессарабец» — типография газеты «Бессарабец». 2) Котловкер, городовой раввин, живет в г. Кишиневе. 3) Блинов, преподаватель 1 Кишиневской гимназии, г. Кишинев, 1 мужская гимназия. Товарищ Прокурора Одесской Судебной Палаты Джибели.

лавшей ему не уставать в той работе, которой он отдался со всем пылом бодрой молодости. Уехал он отсюда больным физически и изнуренным духовно, благодаря тем, поистине зверски жестоким, приемам, которые применял в отношении к нему начальник тюрьмы Аппалат. Этот господин делал все возможное, чтобы отравить и так невеселое сидение Фрида, перевел его из одиночной камеры в секретную, изолированную совершенно от других одиночек, отказывал в свидании с родными, всячески старался унизить стариков-родных, умолявших о свидании, лишил книг, не давал бумаги для писем, несмотря на вполне безукоризненное поведение Фрида. И в довершение не заплатил Фриду следуемых денег за занятия со своими детьми (когда Фрид был на свободе)...

Трудно даже приблизительно передать, какой произвол допускает Аппалат; он воистину маленький самодержец и для него не существует власти ни прокурора, ни исправника, ни губернатора; даже приказы губернатора он толкует как раз в том смысле, который желателен только ему— и все жалобы на него не достигают цели. Недавно был в здешнем тюремном замке губернатор Трепов, и уголовные жаловались ему на то, что Аппалат бьет и истязает их. Результатом жалобы арестантов было то, что Трепов поблагодарил Аппалата за образцовый порядок в тюрьме, а родные жаловавшихся арестантов не допускаются на свидания, и от них не принимаются арестованным ни вещи, ни провизия.

В здешней тюрьме сидит еще один политический — Антон Гамс, студент-техн., забранный по одному делу с Фридом. По приговору он получил шесть месяцев тюрьмы.

Кутаис. Кутаис в настоящем году переживает тревожную весну. Обыватель начинает просыпаться от своего векового летаргического сна. Со всех сторон несущиеся вести о беспорядках, демонстрациях, крестьянском, рабочем и студенческом движении теребят, будят тупую мысль наших мелких буржуа-мещан. «И что это «о н и» хочут?»— вздыхает обыватель, кивая головой по адресу «непокойного элемента». Кутаисский социал-демократический кружок попытался раз'яснить обывателям их недоразумения в прокламациях, распространенных на Пасхе. Но эти прокламации, вызвав самые фантастические толки, только напугали загнанных кутаисцев. Еще более ошеломили кутаисцев вести о бывшей 13 апреля в с. Кулаши крестьянской демонстрации, где крестьяне прошли в числе до 300 чел. с красным флагом и раскидывая прокламации перед носом обескураженной полиции, и слухи о маевке, которую кутаисские сознательные ремесленники, в числе до 60 чел. отпраздновали за городом 20 апреля. После майской прокламации обыватель совсем растерялся.

«Бунт будет, — бунт 1 мая!» — только и было слышно во всех разговорах. Даже администрация была смущена и подняла на ноги всех своих шпионов и городовых. Ночью на улице стали появляться конные и пешие патрули... Наконец, наступило 1 мая. На улицах царила мертвая тишина. Обыватели попрятались от страху. Назначенные на 1 мая прогулки гимназистов и реалистов были начальством отложены. Занятия в женской гимназии происходили почти в пустых классах. На бульваре редкие посетители как-то пугливо оглядывали друг друга, точно спрашивая, скоро ли бунт-то будет? Но прошло 1 мая, а бунта не последовало... Только 2 мая забастовали ученики сельскохозяйственной школы, требуя улучшения квартир, пищи, вежливого обращения и уменьшения полевых работ...

В Кутаисской тюрьме сидит около 40 человек, до 30 из них крестьяне — «зачинщики», взятые в Гурии, в Козламском, Эцерском и Джехаиском сельских обществах Кутаисского уезда, где, как известно, крестьяне-арендаторы бойкотируют своих помещиков-землевладельцев. Несмотря на все уступки, помещикам не удалось в этом году сдать крестьянам свои земли. «Зачинщиков» брали почти всех с поличным: кто расклеивал прокламации, кто ставил красное знамя на волостном правлении и т. п. Остальные 10 — рабочие и интеллигенты из Батума.

Последний циркуляр Плеве вызывает едкие замечания даже у кутаисских «столпов». Например, помещики никак не могут примириться с тем, чтобы у них отняли право пускать кровь своих непокорных арендаторов, т. е. организоваться в отряд самообороны. Положим, говорят они совершенно справедливо, в Российском государстве не новость, если министр отменяет циркуляром основной государственный закон, но естественный закон природы зачем было Плеве отменять?.

Из Сибири. Мы получили от одного ссыльного следующее письмо: «Из Красноярска я был отправлен в Александровскую центральную пересыльную тюрьму, где и прожил вместе с якутянами. Партия должна была отправиться 12 мая, но отказалась ехать без точных назначений. Конвойный офицер грозил взять силой; решили забаррикадировать двери. Когда опасность миновала, баррикады были употреблены как средство ускорения ответа о назначениях. Просидели две недели. Тюремная администрация делала попытки склонить партию отпереть двери, обещая назначения в скором времени, но партия не верила. Через две недели решено было принять более решительные меры для понуждения губернатора, о чем партия и предупредила губернатора через начальника тюрьмы. После этого был получен ответ, что назначения будут об'явлены перед отправкой партии, а возможность отправки выясняется через верхоянского исправника. Тогда партия предупредила, что ждать долго не намерена, и отперла двери. 9 июня вечером об'явлены назначения: 9 чел. в Верхоянск, 8 в Вилюйск, 5 в Колыму, 14 в Якутский округ и 13 чел. по Иркутской губ. 11 числа партия отправилась по Якутскому тракту. Всего по тракту пошло 47 чел., из них 9 женщин и 5 вольноследующих; к ним по дороге присоединяются 3 из Иркутстка, а 4 осталось по разным причинам.

«Большею частью по следующим делам: по Одесским демонстрациям в феврале и мае 1902 г. и по делу Партии С.-Р. (9 чел.), по екатеринославским демонстрациям декабря 1901 г. и февраля 1902 г. (8 чел.), кишиневцы по «Искре» и «Бунду» (4 чел.), тамбовцы по крестьянскому делу (6 чел.) и проч. Огромное большинство социал-демократов, меньшинство соц.-рев. и другие... В 1902 г. через Красноярскую пересыльную тюрьму прошло политических ссыльных в Восточную Сибирь около 600 чел. Много бежит. В 1902 г. из одной Енисейской губ. бежало до 70 челов. Из других местностей тоже не дают маху. Вятский статистик Кислицын получил 4 года Верхоянска».

Екатеринбург. Товарищи из Екатеринбурга просят опубликовать нижеследующие фамилии тамошних шпионов и провокаторов:

Потап, Николай и Михаил Басковы — шпионы. Ляпин — провокатор, уехал в Казань. Вяткин — провокатор, уехал в Пермь; его екатеринбургский адрес: уг. Монаховск. и Луговой соб. дом. Шарапов — предатель (работает на монетном дворе). Каргополов — предатель (столяр на Верхнеилецком заводе). Рубцов — предатель (прядильная фабрика бр. Макаровых). На Ревде предатель Ситников.

Летом этого года в Самарской тюрьме содержался около 1½ месяца арестованный 19 апреля в Уфе сельский учитель Тихомиров. Обвинение, пред'явленное лишь перед освобождением, состояло в следующем: правда ли, что он устраивал у себя в школе собрания, на которых 1) отрицал загробную жизнь, 2) указывал, что на содержание царя идет чрезмерно большая для него сумма в 12 милл. рублей. И правда ли, что в школе устраивались запрещенные чтения? Отвергнув вполне тот факт, что в школе его велись нелегальные беседы, Тихомиров указал, что чтения с крестьянами он вел, но они носили вполне легальный характер. Читалась космография, популярная астрономия и т. п. Учитель освобожден под особый надзор и оставлен до приговора в Самаре.

Как иногда создаются дела. Содержащимся в Самарской тюрьме было официально разрешено передавать другу другу через прокурора деньги. Воспользовавшись этим разрешением, арестованный в Саратове Коновалов подал заявление о желании передать деньги студенту Полянскому, который сидел без всего. Кажется, чего естественнее? А что же из этого вышло? На следующем обходе

прокурора, Коновалов, находящийся под следствием уже 14 месяцев, обратился к нему с вопросом, скоро ли следствие придет к концу, на что прокурор ответил ему, что против него возбуждено новое следствие: его обвиняют в знакомстве с Полянским и что официальным документом в их руках является собственное заявление Коновалова о желании передать деньги Полянскому, поданное им на имя прокурора. Единственной уликой против Полянского является взятая у него на обыске картонка от дамской шляпки с какими-то, нарисованными наверху, кабалистическими знаками, которые жандармы приняли за шифр. Картонку эту Полянский впервые увидел на допросе.

Омск. В ночь с 20 на 21 июня у нас случилось нечто, сильно потрясшее многих из омичей. Арестовано более 20 человек, из них около 10 железнодорожных рабочих, 5 служащих статистического бюро: Н. В. Баранов, И. М. Барашков, В. П. Грацианский, И. Ф. Гусев и Л. К. Чермак, служащий переселенческой конторы Н. И. Дербышев, служащий Государственного банка, несколько человек на железнодорожной станции, 1 солдат, 1 казак, зубной врач В А. Гольгин, учительница А. К. Заложная и еще кой-кто, между прочим и один юноша. Причины неизвестны. Предполагают, вследствие введения в Омске усиленной охраны. (Самого генерал-губернатора еще пока из Петербурга нет.)

Свидания даются с трудом. Жена статистика Чермака насилу выхлопотала разрешение (от губернатора и жандармского правления) повидаться с ним. В течение 10 минут только она должна была переговорить обо всем. Ей об'явили, что на каждое следующее свидание ей тоже нужно будет испрашивать разрешения губернатора и жандармского правления.

Омск. В камерах уголовных, говорят, страшнейшая теснота вследствие того, что их стеснили отнятием 30 камер для одиночных заключенных.

Нижний, 24 авг. В тюрьме среди политических была голодовка; не привела ни к каким результатам. Из Петербурга будто бы был приказ по телеграфу не обращать внимания. Некоторые голодали две недели, заболели и взяты в больницу. Арестованы: Козлов, Козлова (увезены в Петербург) и Лебедев. В тюрьме около тридцати политических, большинство рабочие.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Местечко Яновка (Барановка тож), в 70 верстах от Одессы. На-днях крестьян этого местечка тамошний помещик пригласил возить хлеб по 4 коп. с пуда. Крестьяне требовали 8 коп. с пуда. Тогда были вызваны казаки, и 11 чел. возчиков-крестьян посадили в «холодную». Через несколько времени казачий офицер начал арестованным допрос, при чем убеждал их взять работу за ту цену, какую предлагал помещик. Этот бурбон говорил о безвыходном положении арестованных, с чем они вполне соглашались: «весь собранный хлеб пришлось продать», — говорили они, — «чтобы уплатить за аренду помещику и подати; теперь необходимо заработать сколько-нибудь, чтобы купить хлеба, и заработать как можно больше, иначе они умрут с голоду». Поэтому-то они и хотят получить более высокую плату. Офицер, разгорячившись и видя, что его доводы о необходимости согласиться на низкую плату, в виду безвыходного положения крестьян, не действуют, ударил одного крестьянина шашкой. Крестьяне напали на него. Подоспевшие на выручку офицера казаки положили на месте шесть человек. Все окрестные деревни сильно взбудоражены этой историей. За последнее время Одесским Комитетом сплавляется в деревню много прокламаций и очень немного нелегальной литературы в виду того, что литературы в Одессе за последнее время почти совсем не было.

Связей же с деревней очень много, и они остаются неиспользованными как следует.

Рязань. Бунт в имении Гагарина (Рязанской губ. Михайловского уезда). (Из частного письма.) О бунте в имении князя Гагарина могу сообщить следующие подробности. 1 июля около границы имения князя один из крестьян косил траву; невдалеке от него раз'езжал черкес-об'ездчик князя. Владения Гагарина отделены от крестьянских рвом. Случайно крестьянин скосил несколько травинок со рва, это заметил черкес и с ругательствами ударил мужичка, который отмахнулся косой; тогда черкес резанул кинжалом от плеча до пояса. Крестьянин упал и вскоре умер. Сын крестьянина, косивший невдалеке, устремился на черкеса с косой и ранил его настолько сильно, что он упал, обливаясь кровью, и был без чувств продолжительное время, так что думали, он мертв, но это была ошибка, и черкес впоследствии уполз.

Жена сына крестьянина стала сзывать народ, и около трупа образовалась небольшая толпа, обсуждавшая событие. Пока они толковали, услужливые люди доложили о происшедшем князю, и тот явился на место преступления. Мужики спросили: «Долго ли так будет продолжаться?» — «Как! косить мою траву, да я вас, сукиных детей, в бараний рог согну и еще двадцать черкесов найму!» (Подлинные слова). Крестьяне молча разошлись, но тут же порешили созвать сход. Князь уехал, но по приезде домой ему доложили о гибели черкеса. Тогда Гагарин велел заложить тройку и в сопровождении жены и князя Щербатова отправился вторично на место происшествия.

В это время в деревне, на сходе было уже четыреста человек. Князю нужно было проезжать деревней, и он, видя на дороге толпу, погнал лошадей и врезался в нее. Тут-то в князя и полетело все, что было под руками: вилы, грабли и проч. Вилы вонзились в живот, и Гагарин упал на дно коляски. Князь Щербатов погнал лошадей. По выезде из деревни ведут две дороги: налево и направо. Щербатов поехал направо, и толпа крестьян решилась бежать в обход и догнать экипаж, но, пробежав несколько сажень, прекратили преследование. Щербатов же после переменил направление и поехал налево к жилищу духовенства. Вилы из Гагарина были вынуты только по приезде в дом священника (т. е. через шесть часов). Гагарин очень плох, руки тоже все изрезаны. Жена хотя пострадала, но незначительно, и теперь поправилась. Князь Щербатов «заговаривается».

После этого приезжал губернатор, и был вызван батальон солдат из Рязани, которых накормили тухлой солониной и поставили за нее 14 коп. (из экономии князя Гагарина).

Крестьяне встретили губернатора с хлебом-солью, на коленях. Губернатор сказал прочувствованную речь, пересыпанную ругательствами и обещанием порки, но все-таки трудно было ее устроить, так как «бунта»никакого не было. Тем не менее губернатор потребовал выдачи зачинщиков.

Когда «начальство» повторило требование, чтобы зачинщики были отделены, то произошло следующее (это факт, а не анекдот); один из крестьян обращается к другому и говорит: «Эй, Трофимов, тебя спрашивают — выходи!» и Трофимов выходит. Таким образом арестовано семнадцать человек, и все эти ужасные преступники, «зачинщики», «бунтари», отправлены в волостное правление с одним полицейским.

Окрестные помещики очень несочувственно относятся к князю Гагарину и желают ему скорейшей смерти, чтобы он не имел возможности выступать на суде в шутовской роли «обвинителя». Супруга Гагарина винит губернатора в бездействии: «всех бы перепороть и сослать в Сибирь!».

Белозерский уезд, Новгородской губ. В ночь на 15 июня на пространстве более 60 верст, в волостях Воздвиженской, Чуриновской, Антушевской, Мегринской и Перкунской, были разбросаны в количестве 1.500 экземпляров прокламации, представлявшие из себя перепечатку изданных в 1901 году Петербургским Союзом под заглавием: «О том, как незаметно берут с нас деньги» и «Король английский и император всероссийский». Прокламации были разбросаны по деревням и дорогам и затем расклеены на школах, волостных правлениях, верстовых столбах и т. д. Главная масса прокламаций была

распространена близ Новозерского монастыря, так как ежегодно в этот день сюда стекается несколько тысяч человек. Несмотря на значительное количество распространенных прокламаций, в руки полиции попадало очень немного экземпляров. Оказалось, что крестьяне лишь в исключительных случаях отдавали листки полиции. По слухам, прокламации, составленные, кстати сказать, весьма удачно, произвели сильное впечатление. Есть случаи, когда взрослые крестьяне выучивали их наизусть. Заметно, что в крестьянской среде интерес к нелегальной литературе сильно повысился. 29 июня в Никоновской волости близ деревни Петра и Павла были вторично распространены те же прокламации. По слухам, крестьяне наотрез отказались выдать прокламации посланному из Белозерска квартальному надзирателю Кожину. Зимой в уезде было несколько неудачных стачек крестьян на бревенных заработках. Весенние же стачки при сплаве леса в большинстве случаев окончились полнейшей удачей. Требование при заработках — повышение заработной платы.

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Мы уже неоднократно говорили о развитии доносов, которые послужили причиной высылок, многих арестов и т. п. Часто доносы бывают лишенными всякого основания и вызываются исключительно жаждой мести. Это социальное зло достигло за короткое время таких грандиозных размеров, что о нем уже заговорила подцензурная финляндская печать. «Одним из самых отвратительных явлений, порожденных этим критическим временем перелома, является мания доносов, которая в особенности в нынешнем году достигла почти эпидемического распространения и в некоторых местностях перешла в настоящие оргии...» читаем мы, между прочим, в передовой статье очень умеренной газеты. В конце концов, даже «Uusi Suometar», орган старо-фенноманов[9], в одной передовице осуждает эту манию, но видите ли, он отличает подлый донос, вызванный корыстными расчетами, от «открытой жалобы» надлежащим властям, когда кто-нибудь «сочтет свое право попранным или найдет, что какое-нибудь действие противоречит закону»! «Это—открытое и честное поведение», т. е., другими словами, эта газета попрежнему рекомендует тот донос «при некоторых обстоятельствах», который одно собрание старо-фенноманов возвело в гражданский долг и идею которого пропагандировал этот орган. Разумеется, и ему не нравятся нелепые низкие доносы работников и прислуги на господ, но совсем другое дело, когда какой-нибудь продажный сенатор или губернатор старо-фенноман исключительно из «патриотических соображений» отрекомендует Бобрикову, Плеве и К⁰ выслать того или другого «опасного» гражданина, на которого он, может быть, уже давно точит зубы. Не правда ли, в последнем случае вещь очень деликатная? Но и такой разницы не делают опричники, которым важен в с я к и й донос. «Uusi Suometar» и др. старо-фенноманские газеты в значительной степени повинны в упомянутой эпидемии. Мы уже не раз имели случай указывать на состав старо-фенноманской партии. Это—партия духовенства, мелкой буржуазии и зажиточного крестьянства. Имея дело постоянно с действиями этой партии, мы невольно вспоминаем превосходное об'яснение Каутским консерватизма известных слоев мелкой буржуазии — слоев, живущих под вечным страхом разориться, и имущих крестьян *. Когда-то, во время борьбы за национальное развитие, равноправие и, наконец, преобладание финской народности и финского языка, эта партия была до известной степени демократической, но к концу восьмидесятых годов, достигнув значительных успехов, эта партия превращается в реакционную демократию, вследствие чего из нее выделилась в начале девяностых годов истинно демократическая младо-фенноманская партия[10]; с развитием рабочего движения и обострением классовой борьбы в 1899 г. образовалась особая рабочая партия, которая теперь намерена принять именование социал-демократической финляндской партии **.

В «нелегальной» финляндской прессе приводятся постоянно различные случаи доносов, о некоторых из них мы уже упомянули. За последнее время замечаются доносчики, между прочим, среди служащих на Финляндской железной дороге. Еще зимой, как известно, произошел провал у социалистов-революционеров, благодаря доносу кондукторов.

Высочайший покровитель шпионов и сыщиков, Николай II, наградил двух из этих предателей, одного—300 м., другого — 200 м. Третий же доносчик раскаялся и написал заявление в «Fria ord»,[11] в котором он говорит, что действовал по недоразумению; его царь не наградил. Подобные случаи должны побуждать всех к особой осторожности на поездах в Финляндии.

В двух последних статьях мы говорили о трагической смерти одного из самых самоотверженных финляндских бойцов, д-ра Люлю, доведенного царскими слугами до самоубийства. При жизни он казался им опасным, но и после смерти они продолжали преследовать его. Газетам было запрещено печатать об его похоронах, извещать о дне погребения, пасторам было запрещено произносить обычную надгробную речь, был запрещен погребальный звон и пр. Тем не менее, похороны, происходившие в Выборге в воскресенье 21 июня (н. с.), поражают своей торжественностью и грандиозностью. Над могилой павшего в борьбе борца было произнесено много страстных речей истинными друзьями покойного, среди которых было множество рабочих, крестьян и пр. На могилу было возложено более 150 венков. Первый венок был от «изгнанных финляндцев». При произнесении этих слов на кадбище раздались громкие рыдания. В длинной погребальной процессии выделялся выборгский рабочий союз со своим знаменем во главе; покойный в течение многих лет был председателем союза. На похороны д-ра Люлю прибыли из далеких местностей многочисленные депутации с венками от рабочих и юношеских союзов, от крестьянских академий и т. п. Вообще погребение этого изгнанника свидетельствует об искренней любви к нему десятков тысяч сограждан. Многочисленные ораторы, восхваляя покойного за самоотверженный патриотизм, призывали его почитателей продолжать дорогое для него дело. Сыщики, жандармы и полиция вели себя самым вызывающим образом, чем, несомненно, еще более усиливали решимость присутствующих продолжать столь дорогую для покойного

* «Социальная революция», Карл Каутский, стр. 45—49.
** О происхождении и о прошлом партий в Финляндии см. сборник «Финляндия», изд. О. Н. Поповой.

борьбу за политическую свободу родины. Д-р Люлю не был социал-демократом, а демократическим деятелем и публицистом. Перевоз его праха из Берлина был совершен на собранные среди его сограждан средства.

За самое последнее время из Финляндии выслали за границу двух человек: недавно уволенного от должности директора Улеаборгского лицея г. Розенталя и помещика Варена. В марте, по царскому приказанию, было уволено 11 бургомистров Нюландской и Выборгской губ. В некоторых городах было решено платить им жалованье; но и в это вмешались русские власти: сначала Кайгородов запретил городу Ганге держать на службе бывшего бургомистра, а затем на-днях выборгский помпадур запретил выдавать жалованье бургомистрам гг. Котки и Вильманстранда вплоть «до расследования дела». «Финляндская Газета» известила недавно о разгроме выборгского магистрата также по поводу столкновений относительно нового «закона» о воинской повинности. Нескольким чиновникам за последние дни приказано подать в отставку и потребовано от нескольких лиц «об'яснение». Наконец, самая последняя новость: приказ Николая II немедленно упразднить финляндский кадетский корпус, который раньше предполагалось постепенно превратить в русский. Пока нам неизвестен точно ближайший повод этого повеления. Недавно было приказано подать в отставку одному преподавателю и доктору корпуса за их протест в качестве гласных против применения стряпни г. Куропаткина—так называемого нового «закона». Затем «либеральный» Константин Константинович запретил служащим в корпусе принимать участие в общинном управлении, и вот сам Николай совсем упраздняет корпус. Читатели, должно-быть, прочтут еще до моей статьи «правительственное сообщение» об этом со всякими «подробностями».

Из мелких «реформ» отметим введение в Гельсингфорсе в середине июня (н. с.) русской полицейской формы. Теперь эти держиморды даже и по внешнему виду не отличаются от наших башибузуков. Эта «реформа» постепенно распространяется по всей Финляндии.

26/13 июля 1903 г.

[В. М. Смирнов]

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА В ОДЕССЕ.

В дополнение к корреспонденциям, помещенным в № 45 «Искры», печатаем полученный нами более полный рассказ о событиях.

Грозным ураганом пронеслась по Одессе всеобщая забастовка. Эта забастовка показала всю громадную силу рабочих. Она разрядила атмосферу и обнаружила настроение и мировоззрение рабочей массы; она дала очень мало в смысле улучшения экономической жизни рабочих и очень много для уяснения тех действующих сил в массе, которые, если не были скрыты совсем, то очень смутно вырисовывались. Забастовка столкнула рабочую массу с разными течениями: она раскрыла перед ней карты «независимых», она показала ей самодержавное правительство во всей его наготе и тем самым придвинула ее к пониманию своих истинных нужд и задач, заставив самых инертных подумать о положении рабочих, как класса, в стране самодержавного гнета и насилия. Перейдем к фактам.

Месяца два, два с половиною тому назад. «Комитет Независимой Рабочей Партии» [12] по просьбе рабочих решил начать забастовку на механическом заводе Рестеля — 200 человек. Зубатовский «комитет» в это время имел много денег, собранных с рабочих многих заводов Одессы, главным образом механических. Забастовщикам очень аккуратно выдавали пособия. Стачка затянулась. Все забастовщики получили расчет. Рестель постепенно на их место набрал новых. Полиция охраняла штрейкбрехеров» очень усердно. Подчас за усиленную агитацию среди «штрейкбрехеров» забастовавшим «независимым» попадало на орехи: подзатыльники и пинки, кое-кому и кутузка. Все это делалось по-семейному. Но рабочим все это стало надоедать, и они обратились с просьбой к своему председателю и вожаку Шаевичу [13], чтобы он вмешался и сократил Рестеля и полицию. Шаевич предложил им искать новые места. Вера во всемогущество «Комитета Независимых» сильно пала, и многие рабочие прекратили взносы в кассу, и без того очень истощившуюся, по одним рассказам самих «независимых», на стачечников Рестеля, а по другим — в карманы руководителей.

23 июня, под влиянием рабочих социал-демократов, вспыхнула стачка на бумагоджутовой фабрике Родоконаки и через несколько дней была блестяще выиграна.

В это же время соц.-дем. организацией «Рабочая Воля» [14] была поднята стачка портных Ландесмана. «Рабочевольцы», не имея средств, отказались от ведения этой стачки. Тогда Од. Ком. Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии взял ведение стачки на себя. Около одной недели Комитет выдавал стачечникам пособия, но потом стачка по особенным условиям ремесленного труда расползлась и кончилась ничем.

1 июля началась стачка железнодорожных рабочих Большого вокзала—2.000—2.500 рабочих. Ближайшим поводом стачки послужил расчет одного рабочего котельного цеха. Котельщики потребовали его возвращения и удаления мастеров. Рабочие соц.-дем. в других цехах повели агитацию за всеобщую стачку железнодорожных рабочих. 2 июля Большой вокзал забастовал весь и были выработаны следующие требования: 1) девятичасовой рабочий день, вместо десяти, 2) увеличение заработной платы, 3) возвращение рассчитанных товарищей, 4) удаление мастеров Цваста и двух других, 5) вежливое обращение и целый ряд мелких требований. Ораторы из рабочих соц.-дем. и посланных Одесск. Комитетом на собраниях рабочих в малярном цехе (он же жел.-дор. театр) говорили о классовых противоречиях, о рабочем движении и проч. Организованные «независимые», около 150 человек, открыли оппозицию: грозили сорвать стачку, если будут политические речи и листки Од. К. Свои угрозы они привели в исполнение, срывая ораторов. А одного чуть не выдали полиции. Вынужденные считаться с давлением, оказываемым на массу «независимыми», организованные рабочие социал-демократы решили в своей агитации налегать на «экономику». Это выразилось главным образом в том, что листки к стачечникам жел.-дор. рабочим политического содержания, изданные О. К., они отказались распространять, ссылаясь на возможность провала стачки. Листки эти были уничтожены с разрешения Од. К., который счел неудобным их распространить еще и потому, что, в виду форсирования событий, факты в листках были уже устаревшими. 3 июля с утра настроение массы было настолько подавлено обструкцией «независимых», что, когда появился начальник дороги Немешаев и обещал удовлетворить мелкие требования, толпа, руководимая «независимыми», кричала ему «ура!», кидая вверх шапки. С обеда все пошли на работу. «Независимые» ликовали. Но прошло несколько дней, и настроение массы изменилось. Она почувствовала себя околпаченной. По рукам ходил писанный самими рабочими листок с призывом: «долой обман, долой мелкие требования, хотим большего». Листок Од. К. «по поводу стачки жел.-дор. рабочих» читался очень охотно. 6 июля состоялось собрание около 300—400 человек исключительно

жел.-дор., где ораторами Од. К. подробно разбирались вопросы о борьбе пролетариата в России вообще и о борьбе вокзальских рабочих в Одессе в частности. Возгласы ораторов «долой самодержавие» и др. были очень дружно поддержаны собравшимися.

4 июля рабочие грузчики в порту выставили требования: 1) увеличение заработной платы до двух рублей, 2) уменьшение рабочего дня на полчаса. Число забастовщиков определить трудно, так как колебания рабочего рынка очень значительны и часты, в зависимости от количества грузов. Од. К. были выпущены три листка «К портовым рабочим», читавшиеся охотно. После нескольких дней часть грузчиков пошла на работу, согласившись на 1½-рублевую поденную плату (раньше 80 к. — 1 р.) и уменьшение рабочего дня на ½ часа. Дольше всех бастовали грузины, персы, турки, как наиболее запасливые и сплоченные.

С 6-го числа, по мере прибытия пароходов в порт, примыкают к забастовке моряки, матросы, кочегары, угольщики, требуя увеличения заработ. платы на 50—70%, уменьшения раб. дня, платы за сверхурочную работу по 30 к. в час и некоторых мелких улучшений. В виду того, что часть моряков делала взносы в кассу «Ком. независимых» последний оказался вынужденным взять на себя руководство стачкой. Председателю «Ком. Независимых» Шаевичу очень не хотелось брать на себя это руководство, и он с первого же абцуга предложил сократить им свои требования: «не бить стенку лбом, а сверлить ее понемногу». Такие речи морякам не понравились, и Шаевичу пришлось ретироваться. На дверях «Ком.» вскоре появилась записка, извещавшая о болезни Шаевича. Далее события идут с головокружительной быстротой. Од. К. едва успевает получать и публиковать те стачечные требования, которые выставляет каждая категория рабочих отдельно. К наиболее, в количественном отношении, компактным группам забастовщиков Од. К. рассылает ораторов и агитаторов. Так, Одесским Комитетом были посланы ораторы к рабочим Русского Общества и Беллино Фендериха, к рабочим сносчикам, по хлебной операции, на Пересыпь и Тираспольскую заставу, здесь они помогали рабочим выработать и сформулировать их требования и произнесли несколько речей о связи экономической борьбы с политической. Ораторов слушали очень охотно. Серая масса предлагала ораторам угощение в трактире. «Долой самодержавие!» и пр. возгласы дружно повторялись сотнями голосов вслед за оратором. Од. К. в это время выпустил листок (в количестве 5.000 экз.) «Ко всем забастовщикам г. Одессы» с призывом дружно отстаивать сформулированные в нем общие требования: 1) восьмичасовой рабочий день, 2) увеличение заработной платы minimum на $^1/_3$, 3) плата больным до выздоровления, 4) отмена сдельной работы и 5) вежливое обращение. В листке также подробно разбиралась связь экономической борьбы с политической. Листок читался нарасхват.

С 13-го стало замечаться брожение среди кондукторов и кучеров конки. К ним были присланы Од. К. агитаторы. 15-го конка и трамвай на фонтаны и лиман прекратили движение. 16-го вышел листок к забастовавшим коночным рабочим, в котором сформулированы были их частные требования, в нем были они приведены в связь с общими требованиями и политической борьбой. В это время на места забастовщиков-моряков были посланы военные матросы и кочегары. Од. К. выпустил к ним прокламацию: «К морякам-солдатам», в которой он указывал на печальную роль «штрейкбрехеров» и призывал к пассивному сопротивлению. Прокламация была распространена очень удачно.

16-го утром прекратили работу фабрики Жако, Вальтуха, Радоконаки и нек. др. Агитаторы соц.-дем. в поле организовали собрание около 600 человек. Од. К. был послан оратор, но полиция разогнала собрание, причем арестовала трех рабочих. Толпа направилась к близлежащим фабрикам и заводам и остановила их, пригласив новых забастовщиков примкнуть к ним. Руководители соц.-дем. направили эту толпу в 4-5 т. чел. к Михайловскому участку с требованием освободить только-что арестованных товарищей. Вытребованные казаки нагайками разогнали толпу. В два часа собрались забастовщики Дальницкого района в количестве 7.000 — 8.000 человек в Рубов сад. Ораторами выступили организованные рабочие соц.-дем. Говорили об общих требованиях всех забастовщиков, о связи экономической борьбы с политической и пели революционные песни, а часа в четыре пошли из сада. На собрании было несколько городовых, приставов и шмыгали «шпики». Их присутствие настраивало публику на иронический лад, и рабочие пересмеивались с представителями «средиземной эскадры». Часов около пяти вечера толпа остановила пивоваренный завод Енни. Стоявшие около завода казаки улыбались забастовщикам, которые вели среди них агитацию. В 5½ час. рабочие остановили завод Арбеда. Часов в 6—7 все мирно разошлись по домам, назначив собрание на завтра утром там же, в Рубовом саду. Од. К. разослал гонцов по всему городу звать рабочих на 17 июля утром в этот сад. С вечера Од. Ком. были намечены темы в общих чертах и намечен порядок речей. За ночь были приготовлены знамена на случай демонстрации и имевшиеся в запасе листки Од. К. о златоустовской бойне и листки К. о «политической свободе» (перепечатано из «Искры»). Сорганизовать за ночь ядро собрания (до 8.000 человек) не было возможности, и было решено устроить это на месте.

17-го с шести часов, утра в Рубов сад повалили толпы рабочих и работниц. Вблизи места собрания находится химический завод Бродского. Собравшиеся забастовщики решили его остановить. Сломав ворота, они заставили рабочих примкнуть к ним. Посланный Од. К. оратор в центре толпы в 1.500 человек открыл собрание речью. Сформулировав общие требования, он перешел к об'яснению связи экономич. борьбы с политической, кончив общими возгласами «долой самодержавие» и пр., которые были поддержаны главным образом своими. Оратор уступил место другому. Второй говорил уже исключительно о политике и очень недолго. Запели революционные песни. В это время подошли рабочие «независимые» и, услышав пение, начали кричать: «Не надо нам политики! Мы пришли не песни петь, а вырабатывать наши требования». «Независимые» сгруппировали вокруг себя небольшие кучки и повели речь об «экономике». Организатору собрания, посланному от Од. К., кое-как удалось об'единить эти кучки в одну большую группу тысячи в 2—3 человек. Страсти разгорались. Едва появлялся оратор «независимых», его срывали соц.-дем., соц.-дем. оратора срывали «независимые». Хаос получился невообразимый. Крики «долой независимых!» «долой соц.-дем!» грозили перейти в рукопашную. Среди массы в это время господствовало желание сформулировать свои частные требования. «Независимые» в своих формулировках вслед за соц.-дем. тоже проводили восьмичасовой рабочий день. Казаки очень мирно стояли недалеко от группы соц.-дем. Среди «независимых» разгуливала полиция, с которой они шушукались. Было часов 9—10 утра. Видя бестолковость собрания, многие побрели домой пить чай. Дезорганизаторская работа «независимых», с одной стороны, и недостаточное знание настроения массы со стороны Комитета с другой, — вот две основные причины того, что социал-демократам не удалось овладеть собранием. Раздался призыв «к Юлиусу!» (пробочный завод). Этот призыв был дружно подхвачен толпою, которая, сплотившись, грозной лавиной двинулась из сада. Казаки за нею. По дороге затягивали «Марсельезу» и др. песни, но из толпы кричали: «Не надо песен!» И началось прямо величественное шествие 8-10-тысячной толпы с завода на завод, из мастерской в мастерскую. Рабочие, где с радостными, где с угрюмыми лицами, покидали душные мастерские и присоединялись к забастовщикам. Как катящийся ком снега, толпа все росла да росла. От завода Енни пошли на Пересыпь. Во главе шествия все время были организованные рабочие и интеллигенты соц.-дем. До станции Хаджибеевского лимана толпу конвоировали казаки; на Пересыпи их не было уже ни одного. На многочисленных остановках рабочие ораторствовали на политические темы. Обыватели сочувственно встречали толпу и нередко ее сопровождали. Около мельницы Вайнштейна были распространены прокламации О. К. о «Златоустовской бойне» [15]. Остановив все заводы на Пересыпи, стачечники, увеличившись до 40 — 50 тысяч, направились в порт. Из паровых котлов на пароходах выпускали пар, срывали флаги, звали с собой матросов, а военных моряков призывали к пассивному сопротивлению. Около под'ема на Николаевский бульвар толпа разделилась. Главное ядро шествия направи-

лось по Николаевскому бульвару. Здесь толпа остановилась, и оратор опять заговорил о борьбе, о необходимости политической свободы. С бульвара толпа направилась на вокзал. Другая значительная часть пошла через карантин и по Канатной улице. Толпа не знала, что вокзал уже забастовал с обеда, и шла его останавливать. Другие группы стачечников расползлись по всему городу, останавливая на своем пути все, даже самые мелкие мастерские. Вся Одесса забастовала. Как-то непривычен был для русского глаза вид этой свободно шествующей толпы; всем казалось, что вот-вот из-за угла, из засады выскочит встревоженный, насторожившийся враг. Толпа стачечников опять направилась в Рубов сад. Часов с 5—6 там опять выступили ораторы. Некоторые из них овладели вниманием публики, за весь день им удалось создать настроение, сочувственное политическим речам. «Независимые» были в очень ограниченном числе, и их попытки сорвать того или другого оратора оканчивались неудачей. Были примеры удаления «независимых» из толпы за нарушение тишины. Ораторы соц.-дем. предлагали «независимым» бросить обструкцию и говорить с дерева, как это делали все ораторы. «Независимые» не дали ни одного оратора, они ограничивались лишь своей дезорганизаторской ролью. У них в это время происходило свое собрание на Пересыпи, в здании «Комитета Независимых». Шаевич еще раньше этого собрания об'явил, что он болен, и скрылся от рабочих неизвестно куда. Председательствовал его помощник. Выборные от заводов, фабрик и мастерских собрались в зале «Комитета». Начали собрание с формулировки требований. Восьмичасовой рабочий день выборные хотели провалить. В прения вмешались проникшие в зал соц.-дем. и говорили о необходимости восьмичасового рабочего дня, а не девятичасового, как хотели выборные «независ.». Большинство приняло резолюцию восьмичасового рабочего дня. Относительно повышения заработной платы была принята резолюция — увеличение на 20%. Когда речь зашла о выборе депутатов («фабр. стар.») от каждой фабрики и завода, соц.-дем. стали громко протестовать, доказывая, что закон о старостах есть тот же зубатовский подвох. Но соц.-дем. торжественно вывели из зала заседания. В это время раздался тревожный гудок газового завода: это рабочие звали своих товарищей примкнуть к забастовке. На балконе здания «Ком. Незав.» появился оратор и убеждал толпу остерегаться красных знамен и вообще «социалистов». Бывшие в толпе соц.-дем. крикнули: «долой оратора!» Толпа их поддержала, и оратор вынужден был скрыться. В зале начались дебаты о соц.-дем. Выборные почти единодушно решили срывать на завтрашнем собрании в саду ораторов соц.-дем. и выгонять их из сада. «На завтрашний день мы запасемся ножами...» говорили некоторые. В саду между тем собрание шло с успехом для соц.-дем. Настроение было приподнятое, сочувствие соц.-дем. проявилось криками одобрения. Часов в восемь последний оратор об'явил собрание распущенным и назначил его на десять часов утра следующего дня. Од. К. решил воспользоваться этим собранием не только для политической агитации, но и для непосредственного руководства стачкой. Для этого предполагалось тут же предварительно проформулировать их частные требования, разбив их по заводам, а там, об'единив их выяснением требований общих, перейти к политической агитации. Чтобы провести намеченный план, Од. К. назначил на следующий день, в семь часов утра, в том же саду собрание организованных рабочих, около 150 человек. Но это собрание не состоялось по случайным обстоятельствам, и это-то испортило все дело.

18-го утром стачечники стали приходить в 6 час. утра. «Независимцы», появившись раньше всех, повели усиленную агитацию против соц.-дем. Организованные рабочие соц.-демократы вступили в полемику с «независимцами». Последние выводили соц.-демократов из сада, грозя передать их в руки полиции, если они вновь появятся. Это расстроило ряды соц.-дем. Насилу удалось сконцентрировать небольшую группу тыс. в 2—2½. Но первый оратор Комитета с места в карьер начал обычную политическую агитацию. Крики «долой соц.-дем.» заглушили его речь, и он соскочил с дерева. Под предводительством шпионов, толпа «независ.» бросилась на оратора и с криками «тащи его в участок» схватила его. Соц.-дем. вступили в борьбу с «независимцами», и после долгих и страшных усилий им удалось отбить от «незав.» еле живого оратора, поспешившего скрыться. Вслед за этим соц.-дем. удалось сплотиться и собрать около себя тысяч десять. Несмотря на все усилия «независимцев» срывать ораторов, некоторым удалось овладеть вниманием толпы. Шпионы, бия себя в грудь, кричали: «Мы, рабочие, хотим восемь часов, а политики нам не надо». Большинство стачечников разбилось на группы по фабрикам, заводам и цехам, где они обсуждали свои частные требования. Окончательно провалило успех собрания преждевременное разбрасывание прокламаций. Ком. еще до собрания решил бросать прокламации лишь тогда, когда удастся создать сочувственное со стороны массы отношение к политическим речам. Рабочевольцы принялись разбрасывать листки в начале собрания и вызвали сильное озлобление в толпе.

Между тем войска все прибывали к саду. Вслед за казаками появилась пехота, и часов в 11—12, без всякого предупреждения, казаки с нагайками, а солдаты со штыками и прикладами бросились на толпу стачечников. Разброд и шатание дали возможность разогнать 50 тыс. рабочих сравнительно с ними горсти казаков и солдат. Толпы по разным направлениям повалили из сада, оставив в саду несколько раненых. Одного рабочего солдат ударил прикладом по голове, и тот упал без чувств. Одной работнице солдат проколол руку и избил прикладом. Несколько человек еще получило легкие поранения. Интересно отметить следующий факт: солдат замахнулся на рабоч. прикладом, но, встретив отпор, беспрекословно отдал ему ружье. Несколько рабочих взяли платок, пропитанный кровью раненой работницы, привязали его к палке и с криком: «это кровь нашего товарища!» остановили расходившуюся толпу. Тут же было решено итти на демонстрацию в город. Развернувши знамя, с пением «Марсельезы» двинулись компактной массой. Казаки ехали сзади. «Независимцы» несколько раз пробовали сорвать большое знамя, и, наконец им удалось его порвать в драке с соц.-дем. На площади, около завода Енни, демонстранты прошли мимо казаков и разделились на две группы. Одна пошла по Колонтаевской, другая по Разумовской (3—4.000). Офицеры с казаками пустились в обход и хотели запереть демонстрантов, шедших по Колонтаевской. Около Провиантской казаки пустили в ход нагайки, и демонстранты рассеялись. Демонстрантам по Разумовской удалось пройти почти через весь город, до Екатерининской ул. Крики: «долой самодержавие!», «да здравствует политическая свобода!», масса листков, раздаваемых публике, знамя, революционные песни;—все вместе делало демонстрацию солидной и очень удачной. На углу Екатерининской и Успенской на демонстрантов, как вихрь, налетели казаки и разбили демонстрантов. Человек 30 забежали во двор дома. Ворота тотчас же заперли и поставили караул солдат. Проходившая толпа освободила демонстрантов. Все было кончено. Там и сям собравшуюся публику казаки разгоняли нагайками. А «Комитет Независимцев» был закрыт Арсеньевым еще с утра. Носятся слухи, что Шаевич арестован и отправлен в Петербург. Все недоумевали, почему вчера не били, а сегодня бьют. Решили, что все это вызвали «социалисты». На деле было иначе. 16-го Арсеньев не имел казаков и войск, не имел указаний свыше. 17-го получил подкрепление, 18-го он пустил подкрепление в дело.

19-го утром произошла жестокая кровавая расправа с кондукторами и кучерами конки. Заманив в депо, их связывали, выкручивали руки и связанных били нагайками. Около девяти человек в больнице, двое из них умерло; около 60 чел. по участкам, где их опять били. Часов в 8 открылось движение трамвая. На каждом вагоне были городовые, солдаты для «охраны труда». Пересыпские «независимцы» хотели собраться в Дюковском саду. Их угостили нагайками. В трактире полиция арестовала около 150 чел., причем двух так избила, что их отправили в больницу. Арестовывали на улицах, на квартирах. «Независимцы» били и выдавали соц.-рабочих. В воскресенье мелкие мастерские принялись за работу, не пред'явив никаких требований. Настроение подавленное. Били рабочих на Б.-Вокзале, на Тираспольской заставе, на ст. Пересыпь, у Гена, на кожевенных заводах, били до полусмерти, заставляя итти работать. Темная серая масса во всем этом

обвиняет не правительство, а «социалистов», заставивших правительство принять такие крутые меры. Среди «независ.» механических рабочих, наиболее сознательных, замечается поворот в сторону соц.-дем.

Одесский Комитет выпустил листок к солдатам. Подготовляются прокламации о «независимых», «фабричных старостах», «ко всем» по поводу стачки.

В дополнение к этому рассказу о всех событиях в Одессе мы приведем еще изложение дела оратором-рабочим, откладывая остальные сообщения до следующего номера или, может быть, до особой брошюры. Вот письмо оратора:

«Постараюсь передать о том, в чем я лично принимал участие и о чем, следовательно, осведомлен больше других товарищей. Мое участие непосредственно в здешних событиях начинается со стачки в железнодорожных мастерских, куда я был сперва послан за материалом, а затем, на второй день, говорить. Действительно, часам к шести веч. мне удалось говорить всем рабочим железнодорожных мастерских в их дворе. Говорил я о стачках, обосновывал их требования, но, когда я заговорил о роли государства, о законах, толпа зашевелилась, и мне пришлось прекратить. Речью моей остались довольны, лишь «независимцы» негодовали, почему я ввел политику. Говорили после меня на другой день, но стачка кончилась неудачно. Но вот 16-го узнаю я, что в Рубовском саду назначена сходка всех забастовщиков и что я должен буду говорить там. В четверг, 17-го, утром я отправился туда. В шесть часов утра я уже был там с двумя товарищами. Сад был еще пуст, лишь кое-где виднелись конные городовые. Товарищи ушли, чтобы послать руководителей сходки ко мне, где было решено устроить «штаб-квартиру». Я остался один. Проехали несколько раз стражники, но меня за кустом не было видно. Прошло 20 минут, и никто не приходил. Появились торговки с бубликами и абрикосами, к ним под'ехали конные городовые, прогоняя их, но те не хотели уходить, говоря, что здесь много людей будет, а они торговать хотят. На ответ городовых, что здесь никого не будет, торговки возразили, что, коли никого не будет, они уйдут. Их оставили в покое. Мимо проходила какая-то девушка, городовые жестоко избили ее нагайками, пользуясь тем, что никого вокруг не было. Прошло уже 40 минут, а вот уж без четверти семь, а никого нет. Вдруг слышу топот ног, я выскочил из-за деревьев и посмотрел на дорогу. По ней пестрой лентой подымались стройными рядами работницы и рабочие. Я обезумел от радости. Я опасался, что не допустят собраться в саду. Видя, что конца не видно этой полосе голов, и заметив, что тут нет никого из руководителей, я оставил свой пост и пошел с толпой. Возле меня собрались знакомые, передовые рабочие, и мы повели толпу. Настроение у всех было праздничное. Оказалось, что это шел только один завод. Скоро начали приходить и другие. Шли заводами. Остановились на полянке, возле большой группы булыжников. На конце поляны дымился химический завод. Рабочие начали настаивать на том, чтобы позвать товарищей с этого завода, и я пошел с ними к заводу. Подошли. Ворота оказались запертыми. На ограде показалась администрация. Я потребовал, чтобы пустили нас переговорить с рабочими, чтобы отперли ворота, но управляющий рассмеялся в ответ. Тогда толпа навалилась, и железные ворота вылетели, а толпа с криком «требуйте восьмичасовой рабочий день!» рассыпалась по заводу. Остановили пар, и с присоединившимися рабочими все вернулись на поляну, куда все прибывали рабочие с разных заводов. Я повидался с товарищами, и мне сказали, чтобы я говорил пока, так как толпа уже многочисленна. Я вернулся в толпу и, составив ядро из товарищей, открыл собрание своею речью. Я начал с деления общества на классы, указал на противоположности современного строя, на роль наемников капитала, затем перешел к борьбе, которую ведет пролетариат, к ее первоначальным формам — стачке и бойкоту. Я указал на рост сознания в рабочей среде России, на рабочее движение, на борьбу за социализм. Раз'яснил, что такое социализм, раз'яснил роль государства в борьбе рабочих за лучшую жизнь. Указал, что все добывается борьбой, но что она должна быть организованной, тогда она успешна; дальше же сказал им, что организованная борьба ведется Росс. Соц.-Дем. Раб. Партией, а потому призвал их в ряды этой Партии, под ее красное знамя, на котором написаны заветные рабочему человеку слова: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!», «Да здравствует социализм!». Возгласы были поддержаны. Говорил я плавно и иллюстрировал мои мысли ссылками на положение и борьбу одесских рабочих, причем все сводил к требованиям и стачке. Слушали меня с полным вниманием, а говорил я очень популярно, так что всеми моя речь была понята.

«Тут был сделан неловкий шаг. Рабочие (сознательные) запели. Это произвело нехорошее впечатление на пожилых и посторонних движению рабочих. «Что мы сюда петь пришли, что ли?» — говорили они. Тут подошел другой оратор, тоже присланный организацией. Мне удалось прекратить пение, и я пригласил слушать оратора. Но тут раздались возгласы, звавшие рабочих итти остановить пробочный завод, бывший Юлиуса, и призвать товарищей оттуда. С трудом удалось нам удержать толпу, от которой уже начали откалываться группы. Оратор начал говорить, но внимания слушателей не имел, так как голос у него тихий, и его слышали только близко стоявшие. Говорил он о политической борьбе, о государстве и указал, что только политической борьбой рабочий класс добьется социалистического будущего.

«Когда он кончил, толпа разбрелась. Повсюду образовались кучки. В одном месте говорил рабочий „независимец“, ему оппонировал рабочий же соц.-дем. Я и другие товарищи собирали толпу в одном месте, об'явив, что сейчас придут еще 10.000 рабочих и тогда мы приступим к выработке общих требований. Все начали собираться в роще, тут же расположенной. Рабочие запрудили ее; а народ все прибывал. Все время возле нас находились конные городовые, а теперь под'ехали и казаки. Они стояли против нас. В это время стало заметно сказываться влияние „независимцев“. Слышны были возгласы „Чего они нам про политику рассказывают?“ „Мы сюда не петь пришли! Не надо нам демократов!“ Я пробрался в середину толпы, тут меня подняли на руках, и я обратился с речью к толпе. Постепенно меня начали слушать. Я сказал, что мы сюда собрались не петь песни, а посоветоваться и выработать требования, но если поют, то не наше дело мешать им, и напомнил условия, при каких вообще поются песни о рабочих страданиях России. Затем я начал говорить о стачке и обосновывать и формулировать требования: восьмичасовой рабочий день, увеличение заработка не меньше, чем на одну треть, плата во время болезни до полного выздоровления и вежливое обращение. Формулируя каждое требование, я обращался к рабочим: „согласны ли все?“. Мне отвечали дружным: „Согласны!“ Когда я закончил требования и перешел к тому, как держаться во время забастовки, подошли „независимцы“, которые, узнав меня как соц.-демокр. и первого оратора, начали кричать, не зная содержания моей последней речи, что я говорю о политике, что это не надо, что все это неправда. Я воспользовался этим и спросил: „Так это неправда, что нам нужен восьмичасовой рабочий день и т. д., это неправда?“. Ответом было громкое, дружное „Правда!“, „Долой „независимцев!“.

«Но это был лишь момент. Я осип, лишился голоса. В разных местах подняли ораторов, говоривших с переменным успехом. Один рабочий, поднятый на руки, прокричал: „Соц.-дем. — наши лучшие друзья. Они за рабочих, за нас, гибнут в Сибири и тюрьмах и т. д.“. Но и его прекрасные, полные огня, слова потерялись в гуле толпы. Когда еще я говорил, в толпу врезался околоточный и арестовал одного, но толпа наступила на него, и он отпустил товарища, а сам ретировался. Я отошел в сторону и, обессиленный, потерявши голос, направился по решению товарищей в город. Это было 17-го утром. Участие мое в дальнейших событиях было общее. Мы, соц.-дем., потеряли руководительство массой. Я говорил в разных группах, но шпионы срывали речи, не давая говорить.

«Так как общий ход событий после того утра, с которого собственно начинаются события и когда отчасти создалось настроение, вам известен, то я изложил лишь ту часть, в которой я принимал самое непосредственное участие».

О д е с с а, 4 августа. Сюда прискакал 31 июля директор деп. полиции Лопухин, побывал у всех «начальствующих» лиц и, осведомившись обо всем происшедшем в Одессе, через сыскное отделение пригласил к себе некоторых рабочих, которые (по указанию шпионов и администрации) пользуются некоторым влиянием на рабочую массу и в то же время придерживаются «мирной» политики. Так, из железнодорожных рабочих выбор Лопухина пал на некоего Райха, бывшего депутатом от этих рабочих во время июльских событий. Секретарь Лопухина предварительно исповедывал Райха, доказывая ему все прелести самодержавного строя и уверяя его в любви царя к рабочим. В заключение он предложил Райху написать доклад о рабочем движении и о мерах к умиротворению рабочих при самодержавном строе. Райх написал длинный доклад, сбиваясь в нем все время на экономизм, хотя и заключил доклад сомнением в возможности широкой экономической борьбы при существующем политическом строе. На следующий день жандармы повели Райха к самому Лопухину. После рукопожатия и угощения папироской Лопухин с места в керьер задал Райху вопрос: «А скажите, пожалуйста, какие нелегальные организации, по вашему мнению, наиболее способны разрешить рабочий вопрос?» — «Вы про „независимых“ спрашиваете?», — ответил вопросом не понявший в чем дело Райх. «Нет, я говорю о нелегальных союзах, — настаивал Лопухин, — о соц.-дем., о соц.-рев. и проч.». «К сожалению, я мало знаком с программами этих организаций и ничего вам положительного сказать не могу», — ответил Райх. — Однако, по моему мнению, рабочие могут улучшить свое положение путем организации широких всероссийских рабочих союзов, как в Англии». — «Зачем вам всероссийские рабочие союзы, — возражал Лопухин, — можно достигнуть тех же результатов, если в каждом городе будут отдельные рабочие союзы». — «Нет, это нам будет неудобно, — отвечал Райх, — капиталисты при забастовке могут тогда выписать рабочих из других городов, и стачка будет проиграна». Лопухин заерзал на стуле. «А скажите, пожалуйста, почему это провалились в Одессе „независимые“?» — задал Лопухин новый вопрос. Райх в длинной речи, уклоняясь часто в сторону, начал доказывать Лопухину, что «независимые» не могут иметь успеха, благодаря росту рабочей интеллигенции, которая везде раскрывает массе глаза на существующие порядки, доказывая, что рабочие через «независимых» не могут добиться ни уменьшения налогов и податей, ни сокращения срока военной службы и т. п. «А скажите, пожалуйста, — начал вновь Лопухин после непродолжительного молчания: — что вы думаете о новом законе о фабричных старостах?» — «Меня хотели было выбрать в старосты, — издалека повел свою речь Райх, — да вот подгадил циркуляр харьковского губернатора. Наши рабочие покупают в день 100 — 150 экз. газет (пп. 2.000 — 2.500), и циркуляр, вменяющий в обязанность старостам ловить подметчиков прокламаций и вообще вредных „людей», сразу же поднял все мастерские, и начали везде толковать о старостах-шпионах. Я поспешил снять свою кандидатуру. — «Какой же это циркуляр? — недоумевал растерявшийся Лопухин. — Я сам заседал в комисии, которая вырабатывала закон о старостах, и там я настойчиво проводил мысль не возлагать на старост полицейских обязанностей. Я тогда же говорил, что фабрикант может всегда воздействовать на старосту деньгами, чтобы он делал то... (что „то“, Лопухин не договорил, спохватившись). Мы, ведь, хотели облегчить рабочим начало их самоуправления, а это крайние партии извращают смысл закона, да и вы сами, г. Райх, проповедуете соц.-дем. идеи» — уже переходит в наступление не особенно ловкий Лопухин. — «А скажите, пожалуйста, — после паузы продолжал допрос Лопухин, — не могут ли стачки превратиться в еврейский погром?». «Нет, этого не будет, — с уверенностью заявил Райх: — национальная вражда очень сильно изгладилась у нас, в Одессе, и погромы отошли в область преданий».

«А скажите, пожалуйста, вы слыхали, что делается на Кавказе? — переменил тему Лопухин: — там, знаете ли, темперамент — кинжалы, револьверы». Райх недоумевал, не понимая, чего от него хочет Лопухин. Вопрос был задан в надежде, не расскажет ли Райх о том, в каком положении находятся в Одессе дела с кинжалами и проч. Райх молчал, замолчал и Лопухин. На прощание Лопухин бросил Райху: «Осенью нам в Петербурге предстоит серьезная работа решить все эти вопросы». — «Пожалуйста, постарайтесь, — просил наивный Райх, очарованный любезностью Лопухина: — бедному человеку совсем туго приходится. Да придумайте что-нибудь посерьезнее „независимых“ и фабричных старост».

Проще и циничнее вел беседу Лопухин с депутатами рабочих трамвая, только что выпущенных из тюрьмы 64 чел.

Подробно расспрашивая каждого из них об условиях работы и семейном положении, Лопухин сокрушался, что он по закону не имеет права требовать сейчас обратного приема их на службу трамвая. «В Петербурге я войду с вопросом об улучшении вашего положения, там у нас мало знают о вашем житье-бытье, и вы напрасно производили беспорядки», — усовещевал кондукторов Лопухин. «Ваше п-во, существуют ли в России законы, которые бы позволяли нас бить? Ведь „политикой“ мы не занимались, на улице не буянили и на рабочих собраниях не бывали, были только в своем депо для переговоров с дирекцией», — спрашивал Лопухина один рабочий. Лопухин сокрушенно вздохнул и ангельским голоском ответствовал: «Нет, голубчики, такого закона нет, а вот вы же беспорядки устраиваете, и бывает, что и невинного побьют — всех не разберешь. Да я и не знаю, кто дал приказание бить вас». Когда же один из депутатов робко намекнул на взятку, данную одесской администрацией, Лопухин, указывая пальцем вверх и подняв глаза к небу, молвил: «Да, голубчики, и там даже берут».

Вел переговоры Лопухин и с «независимыми», но что толковал, пока неизвестно.

По слухам, на-днях одесские предприниматели послали Витте телеграмму с просьбой «убрать независимых», указывая на «агента внутренней полиции Шаевича“, как главного виновника забастовки.

К и е в. Вследствие пропажи (или опозданий?) нескольких обещанных корреспонденций, мы в состоянии теперь дать лишь весьма неполные сведения о здешней стачке. Одно сообщение гласит: «Сегодня утром (27 июня), в 6 час., приехал в Киев, и как только пароход причалил к пристани, явились рабочие и забрали весь наш штат: матросов, кочегаров, рулевых и официантов, об'являя, что везде забастовка. Я взял чемодан и отправился домой. Я узнал следующее: началась забастовка на вокзале в понедельник 21-го. Все служащие железной дороги полегли на полотне ж. д., и движение прекратилось. На следующий день явились полиция и войска, но рабочие осыпали их камнями. Прибегнули к оружию; в результате — 30 убитых, 20 раненых, в том числе 10 казаков. В среду, 23-го, движение трамвая прекратилось и до сих пор не восстановилось. В четверг, 24-го, к забастовке примкнули все городские заводы и фабрики, также Куреневка (предместье). В пятницу, 25-го, пароходы общества прекратили движение. Рабочие ходили по мельницам, паровым заводам и заставляли бросать работу. Рабочие брали пароходы и раз'езжали по Днепру, заставляя служащих других пароходов бросать работу. В пятницу приказано было стрелять, и пало много невинных: на пароходской пристани убили трех кацапов, которые собирались ехать домой. Пароходские пристани разрушены пушками (*? Ред.*). К вечеру толпа, собравшаяся на Александровской улице, напала на войска, причем убили трех казаков и пять солдат. Хлеб вечером 25-го продавали по 12 коп. фунт, теперь подешевел. 26-го около Александровского сквера толпа рабочих демонстрировала, и на требование разойтись ответила градом камней. Был дан залп, убили трех рабочих. Вывешены об'явления, в которых строго воспрещается собираться, в противном случае будут стрелять, не разбирая».

Другой очевидец пишет от 28 июня: «Что у нас творится! Ни электричества, ни газа, ни хлеба, ни движения никакого, кроме извозчиков за баснословную цену. Бьют, убивают, разрушают, волосы дыбом становятся. Чем это кончится? Это не стачка, а что-то грандиозное. Некоторые типографии перестали работать. Мельницу Бродского разнесли. Единственно, что удалось спасти, это — водопровод,

иначе город остался бы без воды. Водопровод оцеплен войском, и воду отпускают сами инженеры. Если это еще продолжится, о Киеве может остаться одно только воспоминание».

От 30 числа кратко сообщают о прекращении стачки. Рабочие получили, будто бы, повышение платы на 20% и сокращение рабочего дня на один час.

Елисаветград. Наш город имеет несколько крупных заводов земледельческих орудий, на которых работает свыше двух тысяч рабочих. Имеется также несколько крупных мельниц и табачные фабрики, на которых занято приблизительно столько же рабочих. Фабрично-заводские рабочие — специализированные профессиональные пролетарии. Имеется также самый незначительный процент крестьян (несколько десятков), не окончательно еще порвавших с деревней. Они преимущественно работают на самом крупном заводе Эльворти, где большое разделение труда не требует особой специализации рабочего. Порядки на наших заводах ничем не отличаются от заводских порядков в других городах. Бесконечные штрафы, грубое обращение мастеров, переходящее иногда в кулачную расправу, беспрерывное понижение расценок без предупреждения рабочих, — такова общая характеристика нашего заводского режима до настоящего времени. Опасаясь крамолы, проникшей в последнее время на все заводы, заводчики стараются всячески убаюкивать рабочих, устраивая для них спектакли, в которых сами рабочие выступают в качестве артистов, они организовывают музыкальные оркестры из рабочих, приглашают также попов на фабрику, которые читают рабочим проповеди. Эти церковные агитаторы перешли в последнее время даже к письменной агитации. Недавно устроены были прогулки для рабочих на двух заводах: у Яскульского и Шкловского. Последние пригласили попа, который отслужил молебен, а потом раздавал рабочим печатные листки за своею же подписью. В листках этих говорилось о том, что нужно уважать старших, повиноваться начальству, что нужно молиться за царя-батюшку, который богом поставлен управлять нами и который печется о нас как о своих детях, и т. д. Но все эти приемы не достигают своей цели и, благодаря социал-демократической пропаганде, находят у рабочих должную оценку.

Отдельные попытки пропаганды среди рабочих встречаются в нашем городе начиная с 1898 г. Но все эти попытки носили чисто случайный характер. Обыкновенно пропаганда эта ограничивалась одним-двумя кружками из четырех-пяти рабочих, с которыми интеллигент завязывал знакомство. С его от'ездом или арестом связь терялась, и желавшему возобновить работу интеллигенту приходилось сызнова искать связей; так работа велась с значительными перерывами до 1902 г. Вся эта работа, конечно, не прошла бесследно. Первое массовое рабочее собрание, устроенное летом 1902 г. самими рабочими, прекрасно это доказало. Почва для социал-демократической пропаганды была таким образом создана, и первая серьезная попытка создать прочную организацию увенчалась полным успехом. Тогда устанавливаются постоянные связи почти на всех заводах, устраиваются постоянные пропагандистские кружки, которые усердно посещаются рабочими, на этих кружках ведется пропаганда социал-демократических идей; обсуждаются разные вопросы текущей политической жизни. Тогда же устраиваются все практические учреждения. Число сознательных рабочих увеличивается, и, упрочившись таким образом, организация получила возможность перейти к широкой массовой агитации путем прокламаций. Начиная с января текущего года, Комитетом выпускается ряд прокламаций, трактующих различные вопросы общерусской и местной заводской жизни (о ростовских событиях — к рабочим 3.000 экз.; из заводской жизни (политического содержания) 3.000 экз.; майская, Орган. Комитета, 1.500 экз.; по поводу кишиневского погрома — к обществу, 800 экз.; по тому же поводу — к рабочим, 300 экз. Орг. Ком.).

1 марта текущего года Комитетом устраивается массовое собрание за городом, которое своими размерами превзошло всякие ожидания Комитета. На собрание отправилось из города до 150 человек; но, по незнанию места, не все попали. К сожалению, место было выбрано неудачное, и на собрании удалось прочесть одну только речь о мартовских событиях, пропета была революционная песня, и собравшиеся должны были разойтись. Причиной послужило внезапное появление в экипаже помещичьей семьи, которая, увидев собрание, помчалась в город за полицией. И действительно, через ½ часа после того, как все разошлись, туда нагрянула полиция, но никого уже не застала. По дороге обратно она наткнулась на какую-то кучку рабочих, распивающих водку с девушками. Подозревая в них участников собрания, она их заарестовала. Некоторых сейчас освободили, а остальных на следующий день. Но и это неудавшееся собрание не прошло, конечно, бесследно для рабочих. Последние на практике убедились, с какими трудностями сопряжена конспиративная работа и как трудно рабочему при существующем политическом режиме послушать «живое» слово. Полные ненависти ко всем поработителям, которые держат их в черном теле и не допускают к ним луча света, рабочие разошлись, надеясь скоро собраться на таком месте, чтобы «сам чорт их не нашел». После этого спрос на нелегальную литературу сильно увеличился, и Комитет старался итти навстречу этому спросу, распространяя в широких размерах популярную социал-демократическую литературу. В последнее время деятельность Комитета не ограничивается работой только среди городских рабочих: она распространяется также на окрестные деревни, с которыми имеются связи и куда посылается подходящая социал-демократическая литература. Спрос на эту литературу сильно растет. Отношение же крестьян к Елис. организации, о которой они имеют фантастическое представление, самое лучшее. И люди, присылаемые к ним организацией, выигрывают очень много в смысле воздействия, если они не скрывают своего представительства. Особенно ярко выступает отношение крестьян к организации и до известной степени характеризуется их политическая зрелость в следующем факте. В деревнях распространился слух, что Елис. организация готовится к уличной демонстрации на 19 февраля. Крестьяне прислали от себя человека в «орг.» с извещением, что Комитет может рассчитывать на их участие, если он действительно решит устроить демонстрацию. Считая себя неподготовленным, Комитет ответил представителю, что никакой демонстрации 19 февраля в Елис. не будет. Крестьяне же, должно-быть, усмотрели в этом ответе недоверие к ним со стороны организации и решили на деле показать, как глубоко они чувствуют ненависть к существующему политическому строю и как сильна у них потребность выразить эту ненависть открытым протестом вместе с своими городскими товарищами. 19 февраля несколько крестьян явилось в город с дубинками в руках и почти целый день расхаживало на Большой улице (главной ул. Елис.), выжидая демонстрации. Месяца три тому назад на одну деревню было сделано нашествие жандармов. По указанию шпиона, был арестован один крестьянин, которого остальные старались отбить. Вообще настроение, как среди фабрично-заводских рабочих, так и среди крестьян окрестных деревень, весьма революционное. Нужно только сожалеть, что нет достаточно свежей популярной литературы, которая удовлетворяла бы все требования.

Теперь несколько слов о соц.-рев. В 24 № «Рев. Росс.» имеется лаконическое сообщение о том, будто в Елис. образовалась группа с.-р., которая выпустила две прокламации ко всем рабочим, одну за своей подписью, другую за подписью об'ед. группы соц.-рев. и соц.-дем. Нам хорошо известны дела Елисаветграда до самого последнего времени (один из нас лишь пять недель оттуда), и ни о какой группе соц.-рев. мы не слыхали. Месяца три-четыре тому назад нам передали, что на Большой улице было разбросано несколько гектографированных листков. Но, как мы ни старались достать хотя бы один экземпляр, нам не удалось, так как отвечают, что не читали, но что такая прокламация была разбросана по Большой улице. Содержания же тоже буквально никто не знал. Это относится к обществу; что же касается рабочих, то никто из них о такой прокламации даже не слыхал. До от'езда же товарища никакого даже слуха о прокламации за подписью соц.-дем. и соц.-рев. не было, и все эти сообщения — простая выдумка.

Два бывших члена Ел. Ком.

Елисаветград. 30 июля 1903 г. Теперь 12 часов ночи, и после трехдневных мук и страданий опишу, что творилось за последние дни у нас в городе. Постараюсь все написать, ибо, как очевидец, кажется, ничего не забуду. В понедельник 28 июля забастовало 300 каменщиков и более 200 плотников и маляров. Они ушли с работы, не заявляя никаких требований хозяевам и подрядчикам. Все шли кучками по улицам, а там, где видели, что работают, заставляли уходить. Всем им велели собраться на Конную площадь для переговоров. Стояли они там часа два. К ним пришла масса посторонней публики. Разговаривали о своих нуждах, требованиях и т. д. Все держались очень тихо. На их лицах было замечательно веселое настроение. Ну, без полиции, конечно, не обстоит дело. Было несколько конных городовых, пешей полиции и пристава. Вдруг приехал полицмейстер, заспанный, видно загулявшийся поздно с певицами в городском саду, начал спрашивать, чего они хотят. Некоторые рабочие, старики, сняли шапки, но тут из толпы один крикнул: «Перед кем вы снимаете шапки!». Некоторые одели обратно шапки. Полицмейстер, видя, что тут что-то неладное, заявил им, чтобы выбрали своих депутатов для переговоров, но они не согласились, боясь, чтобы их не арестовали. Тогда полицмейстер велел им притти завтра, в 7 час. утра, на то же самое место. Днем к ним присоединились все ремесленники-слесаря в количестве 150 человек и почти все мальчики. С Конной площади не все разошлись. Остались кучками и вели беседы. Полиция просила разойтись. Замечательный курьез, я его сам слыхал. Помощник пристава Нехорошкин подошел к кучке, чтобы разогнать ее. Тогда вышел старик, каменщик, лет 65, и говорит ему: «Слышь, сынко, мы никого не трогаем, уйды по-доброму, а то набьют тобі потылицю и нычего доброго не выйды». Нехорошкин ушел. Пришли к рабочим некоторые приказчики и просили их, как по примеру других городов, подойти к магазинам и потребовать приказчиков. Тогда толпа рабочих, в количестве 100 чел., подошла к мануфактурному магазину братьев Заславских, на мосту, и потребовала приказчиков. Нашлись такие в магазине Заславского, что сказали, что ничего им не надо. Но рабочие ответили: «Если вам хорошо, то помогите другим магазинам». Хозяева магазина, Заславские, принуждены были запереть магазин и выпустить своих служащих. То же самое было у Кулаковского. Тут явилась полиция и хотела выхватить вожаков, но их не дали, отбивая руками. Рабочие подошли к магазину Державца; там также заперли, и ближайшие магазины к нему. Шествие продолжалось час времени. По тротуарам была масса публики. Когда они подошли к магазину Олинской и по заявлении, чтобы отпустить служащих, последние вышли из магазина, тогда все с криком «ура» бросились дальше. Но тут полиция показала свое зверство. Прискакало несколько конных городовых, врезались в толпу и прикладами и нагайками били кого попало. Была тысячная толпа. Все магазины, по приказанию полиции, были закрыты. Все разбежались по средним улицам. По Дворцовой и Большой-Перспективной ходила масса рабочих. Полиция здесь пошла на хитрость: забили в набат, вывесили на каланчу три шара и дали тревогу. Пожарные уехали для того, чтобы заманить публику на Ковалевку, но там пожара не было. Масса публики побежала за ними, но оказалось все ложным. Выслали вооруженную роту солдат. Часть оставили за крепостным садом, часть ушла обратно в казармы. По улицам кишели шпионы, жандармы и полиция. По улицам было движение рабочих. На Преображенской улице, к стыду полиции, совершенно свободно прошли ремесленники со знаменами без надписи. На следующий день в 7 час. утра собрались все рабочие, которые бастовали, и к ним присоединились мельничные рабочие и биндюжники. Они стояли, мирно разговаривая вместе с организованными. Публика, зная раньше, что сюда соберутся рабочие, пришла массой, почти всю площадь заняли. Вдруг бросились на них штук 20 конных городовых и начали избивать толпу нагайками. Все разбежались. Но, несмотря на это, рабочие собрались на Крепостную площадь; там они также мирно беседовали. С ними был помощник пристава 3-ей части Тарнеров и несколько конных городовых. Все рабочие были возбуждены и революционно настроены. Они уже ясно видели своими глазами, кто их враг. Рабочие стояли часа три. К ним пришла масса народу. Цифру не могу определить. Но не тут-то было. Опять сорвалась полиция и буквально начала топтать лошадьми людей. Но тут рабочие не дались уже. Все закричали, чтобы защищаться. Бросились на лесопильный завод; каждый взял себе по дубинке и шел против полиции. Раз'яренная, как зверь, полиция, видя, что бессильна, дала сигнал, и сейчас прибежали две роты конных солдат вооруженных и под командой дали пустой залп. Рабочие ничуть не испугались и бодрыми лицами с дубинами[16] в руках стояли, не двинувшись с места. Тут среди свалки и побили голову пом. пристава Нехорошкину, так что пришлось долгое время удерживать кровь. Побили здорово рыжего шпиона, так что не знаю, придет ли домой. Словом, можете себе представить, что тут было. Толпа так революционно настроена, что даже женщины, дети, взяли палки и в случае будут защищаться против полиции. Приехал полицмейстер и попросил толпу, чтобы его пропустили. Ему позволили. Он начал уговаривать, чтобы разойтись, но был один ответ: «Пока не удовлетворят всех требований, до тех пор не разойдемся». Рассказывал им, что в Киеве убили 200 рабочих. Тогда один из толпы ответил: «А почему в правительственных сообщениях только три человека?». Толпа, видя все зверства полиции, была так возбуждена, что решилась биться до последней капли крови. Но тут кругом начали обставлять солдат. Все рабочие увидели, что хотят их заманить, так что все разбежались. Но все-таки удалось нашим башибузукам арестовать и загнать в тюрьму З. Резникова 59 человек. Из них 45 русских и 14 евреев. Кроме того, было много арестов. Хватали прямо с улицы, не расспрашивая, виновен или нет. Так, арестованы студенты Шапиро и Лашенко и многие другие — приказчики и пекарь. В тюрьме их избивают до крови и не дают им пищи. Когда бросили работу в 6 часов, рабочие завода Эльворти пошли по Дворцовой и Б. Перспективной улице. Как чудно было смотреть на них! Стройные, с головами вверх, шли без препятствий. По дороге они встретили полицмейстера Падейского. С криком и свистом бросились на него, но он удрал в полицейское управление. Недоставало только знамени и организованности, чтобы вышла удачнейшая демонстрация. Несмотря на тысячи солдат, которые находились у Крепостной площади, все закричали: «Товарищи, идемте освободить арестованных!». Все бросились к тюрьме, но у моста их остановили: началось опять избиение. Все рассеялись. Магазины велели закрыть. Всю ночь под барабанным боем шли солдаты и раз'езжали конные полицейские. Сегодня было немного спокойней. Требования мельничных рабочих удовлетворили. Каменщики еще не работают. Чем кончится—не знаем. Весь город революционно настроен. Одному мальчику нагайкой отрубили нос. Заказали у Гольденберга 100 новых нагаек по 1 р. 20 к. за штуку. Зверство полиции неописуемо. Всех солдат и полицию напоили до пьяна. Пишущий эти строки сам хорошо получил прикладом прямо в грудь и, вдобавок, прибежал озверевший полицейский и начал меня колотить. Вдогонку гнались за мной, чтобы поймать меня, но никак им не удалось. В третьем участке подпалили какой-то старый сарай для того, чтобы отвлечь толпу. Но в другой раз им эта хитрость не удалась. Толпа кричала: «Нас обманывают!». Есть еще масса фактов, не можешь запомнить или же с болью на душе не можешь писать. Мне казалось, что опишу сотню листов. Ничего, привыкаешь ко всему. Только в первый раз действительно страшно больно.

Елисаветград. Город в настоящее время просто терроризируют. Прислали сотню казаков, солдат оставили в городе. В тюрьму засадили на три месяца 56 чел., после еще взяты — берут даже в последующие дни прямо с улицы. Какие-то два чел. взяты на улице, ибо были в синих рубахах, побили их в участках нагайками, обругали с.-д. и отпустили с миром. Взят на улице студент Шапиро, избит и заключен на три мес. Взято прямо из пекарен более десяти чел. и засажены на три месяца. Был вице-губернатор. Эльвортовские рабочие бросили было работу, требуя освобождения семи арестованных рабочих. Приехал к ним вице-губернатор, увещевал их и освободил тех. Из заводов деятельно увольняют нежелательных. Мельникам дали

воскресный день, каменщикам — ничего. По городу носятся слухи об умерших от избиения. В тюрьме рота солдат, ибо боятся, что придут освобождать.

Батум, 17 июля. В 7½ часов утра рабочие всех заводов бросили работу и направились к базару; всего собралось около шести тысяч человек. Вынесли столы, на которые взобрались рабочие и читали прокламации, произносили речи на русском, армянском и грузинском языках. К этому времени прибыло войско, казаки, и толпа была рассеяна. Батум представлял из себя нечто необыкновенное: закрылись все магазины, конторы, пекарни, мастерские, забастовали также носильщики на вокзале, стрелочники и кондуктора, бросили работу плотники и строительные рабочие. На следующий день, в четыре часа дня, рабочие собрались около электрической станции и развернули красное знамя, но казаки налетели на толпу и рассеяли ее. В то же время были даны два залпа: смертельно ранен рабочий М. Пирцхалайшвили и несколько друг. Казаки и полиция усердно избивали рабочих и мелких торговцев, сочувственно относившихся к рабочим. Через два дня почти все магазины были открыты, и рабочие постепенно начали приступать к работе. Арестовано более ста человек.

Харьков. В 9—10 ч. веч., 26 июля, за городом, в местности, называемой «Урал», собралось больше 100 работников и частью работниц от всех харьковских мастерских и заводов для собеседования. В 11 ч. ночи толпа была окружена казаками и конной полицией. Большинство рабочих спаслось бегством. Вслед убегавшим стреляли. Арестовали около 40 чел., которых сильно избили.

Через несколько дней с.-р. выпустили прокламацию (от Харьк. Ком. с.-р.) с призывом к решительным действиям.

О «Комитете» партии с.-р. в Харькове, если не ошибаюсь, слышно впервые, проявления же с.-р. здесь не было уже 1—1½ года. Телеграфисты Киев — Белая Церковь — Фастов забастовали. Требовали прибавки по 10 руб. По телеграмме из Питера их требование удовлетворено.

Барановская Мануфактура, станц. Бараново, Моск.-Ярослав. жел. дор. Рабочих на заводе свыше пяти тысяч. Вследствие значительного вздорожания хлопка сильно понижены расценки. На этой-то почве разыгралась Костромская история [17], и то и дело возникают беспорядки по всему району. 22 июня вышла история и на здешней мануфактуре, на которой и вообще условия очень скверны. Как только были вывешены новые расценки, тотчас же бросили работу ткачи. В дальнейшем постепенно присоединились и все остальные рабочие, до одного. Дело не обошлось без «воздействия». Говорят, бегали и кричали: «убьем, кто будет работать». Затем были разгромлены квартиры трех служащих, избили до полусмерти двух полицейских. Рабочие почему-то проникнуты доверием к Баранову Асафу, хотя он собственно тут имеет мало значения. Они не пустили на фабрику ни полицию ни прокурора и вели переговоры только с Барановым. Директор и вся администрация разбежались. Требовали возвращения старых расценков, но, главным образом, настаивали на удалении восьми человек из администрации (директора ткацкого отделения, заведующего спальнями Фаворского и еще шесть мастеров). Баранов обещал удовлетворить все требования. Были вывешены старые расценки, а на третий (кажется) день начались работы. Пока что подошли войска. Хотя еще арестов не было, но разборки надо ждать. Сведущие люди не верят, чтобы обещания были исполнены...

ИЗ ПАРТИИ

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ БЮРО.

Товарищи! Состоявшееся здесь 7/20 июля общее заседание членов Бюро было предпоследним перед международным конгрессом, который, как известно, должен собраться в Амстердаме в августе 1904 г. Поэтому большую часть времени пришлось посвятить установлению порядка дня предстоящего конгресса. Пока намечены следующие пункты: 1. Доклады Международного Секретариата и секретарей отдельных национальностей. 2. Всеобщая стачка. 3. Общие основания социалистической политики. 4. Трэд-юнионизм и политика. 5. Колониальная политика. 6. Тресты и безработица. 7. Международные третейские суды. 8. Национальное и международное законодательство об эмиграции и об иммиграции.

По всем перечисленным пунктам конгрессу должны быть представлены доклады теми партиями, которые настаивали на их внесении в порядок дня. Так, по пункту второму доклад будет представлен Голландской Социалистической Партией; по пункту третьему—Социалистической Партией Франции (Революционно-Социалистическим Союзом); по пункту четвертому — Английским Фабианским Обществом; по пункту пятому — Гэйдманом из Английской Социал-Демократической Федерации и Ван-Колем из Голландской Социалистической Партии; по пункту седьмому—Английской Независимой Рабочей Партией; по пункту шестому — Социалистической Партией Соединенных Штатов Северной Америки и, наконец, по пункту восьмому—Социалистической Партией Аргентинской республики. Что касается пункта первого, то само собой разумеется, что доклады должны быть доставлены всеми национальностями, и было бы очень желательно, чтобы наши комитеты своевременно позаботились о доставке нам всех сведений о ходе нашего движения за 1900—1904 годы, дабы наш секретарь при Международном Бюро мог составить достаточно подробный отчет.

К перечисленным выше пунктам социалистические партии всех стран могут через своих представителей в Бюро прибавить новые, но это должно быть сделано до следующего общего заседания Бюро, которое состоится в первое воскресенье февраля будущего года.

Из других пунктов, предложенных на обсуждение Бюро—вопроса о международной политике, о Македонии и о защите иностранных рабочих—первые два вовсе не могли быть разобраны в виду отсутствия делегатов тех стран, которыми эти вопросы были подняты. Что же касается третьего, то он вызвал довольно оживленные дебаты. Дело в том, что вопрос этот был поднят бельгийскими делегатами, имевшими в виду совершенно специальный случай—выработанный некоторыми французскими депутатами законопроект, имеющий целью ограничить или даже совсем исключить конкуренцию иностранных рабочих. В таком духе была предложена резолюция. Но на это было замечено, что вопрос этот существует не только во Франции и Бельгии, но и во всех других странах, причем он становится гораздо более сложным там, где с местными рабочими вступают в конкуренцию рабочие из стран с более низкой культурой. В виду этих возражений и в виду невозможности сейчас же выработать более общую резолюцию, пришлось ограничиться принятием следующей переходной формулы:

«Поднятый бельгийскими делегатами вопрос значится в порядке дня амстердамского конгресса (см. выше пункт восьмой) и этим последним должен быть решен в общей форме резолюции. С другой стороны, делегаты все единодушно осуждают тот принцип, который лег

в основу предложенного некоторыми (французскими) националистскими депутатами законопроекта, стремящегося к окончательному изгнанию (из Франции) рабочих соседних стран. В виду этого Бюро предлагает социалистическим депутатам заинтересованных стран, — в том случае, если бы эти законопроекты были поставлены на обсуждение палаты до амстердамского конгресса, — совместно заняться приисканием наиболее действительных средств, чтобы отвергнуть эти исключительные меры».

Известно, что нынешней весной ожидался приезд русского царя в Италию [18]. По этому поводу итальянский социалистический депутат Моргари [19] произнес в палате речь, в которой протестовал против приезда в Италию душителя всей России и против устройства ему торжественного приема. Понятно, что вся буржуазная печать набросилась на Моргари за его якобы непатриотическое поведение. Итальянский делегат Э. Ферри обратился поэтому в Бюро с письмом, в котором просил его высказать свое отношение к поступку Моргари. Принятая в ответ на это письмо резолюция гласит:

«По поводу письма Ферри и заявления товарища Моргари в итальянской палате Международное Социалистическое Бюро выражает Итальянской Социалистической Партии чувство своей солидарности и еще раз высказывает свое отвращение к русскому царизму и к его преступлениям».

Брюссель, 9/22 июня 1903 г.

Б. Гинзбург (Д. Кольцов)

Перепечатываем из листка Заграничного Комитета Бунда резолюцию V с'езда Бунда о «положении Бунда в Российской Соц.-Демокр. Рабочей Партии».

«§ 1. Бунд есть федеративная часть Росс. С.-Д. Раб. Партии. — § 2. Бунд — социал-демократическая, неограниченная в своей деятельности никакими районными рамками, организация еврейского пролетариата и входит в Партию в качестве его единственного представителя; причем выступление от имени всего пролетариата определенной территории, на которой, кроме других входящих в Партию организаций, действует и Бунд, допустимо лишь при участии последнего. — § 3. В Ц. К., З. К. и на с'езды Партии Бунд избирает свое представительство, выступающее, как таковое, в тех вопросах, на которые простирается компетенция с'ездов Бунда. Способ представительства должен быть основан на принципах, одинаковых для всех договаривающихся сторон.

«Компетенция Бунда. § 4. Программой Бунда является общепартийная программа, которую он по вопросам, обусловливаемым особенным положением еврейского пролетариата в России и взаимоотношением общественных сил в среде еврейской нации, имеет право дополнять для себя особыми пунктами, не противоречащими партийной программе. — § 5. Бунд имеет свои с'езды для разрешения всех вопросов, специально касающихся еврейского пролетариата, свой Центральный Комитет и Загр. Комитет. — § 6. Бунд имеет право разрешать, руководствуясь программой Партии, такие общие вопросы, по которым партийными с'ездами не вынесено резолюций. Решения эти имеют лишь временную силу—до постановлений общих с'ездов по соответствующим вопросам. — § 7. Бунду предоставляется свободное распоряжение делами своей организации.—§ 8. Бунд имеет право на беспрепятственное издание, кроме литературы на еврейском языке, и литературы на других языках. С обращениями к пролетариату другой национальности Бунд имеет право выступать лишь с согласия на то органов соответствующих частей Партии, к пролетариату же всей страны — с согласия Центр. Ком. Партии. Прим. При обращении к еврейскому пролетариату со стороны других договаривающихся сторон требуется согласие Ц. К. Бунда. — § 9. а) Бунд имеет право вступать во временные соглашения для практических предприятий с революционными организациями, не входящими в состав Партии и относительно соглашения, с которыми нет специального запрета ни со стороны партийного с'езда ни со стороны Ц. К. Партии. О каждом таком соглашении Ц. Ком. Бунда доводит до сведения Центр. Ком. Партии. Совместное выступление в литературе с несоциал-демократическими организациями недопустимо. б) С особого на то разрешения Ц. Ком. Партии Бунд имеет право вступить и в постоянные соглашения с не входящими в Партию соц.-дем. организациями для совместного выполнения некоторых сторон революционной работы. § 10. С'езд Партии имеет право отменять все постановления с'ездов Бунда, за исключением решений, принятых на точном основании настоящей конституции. Если Центр. Ком. Партии усматривает в каких-либо действиях Ц. К. Б. противоречие с постановлениями общих с'ездов Партии, то он (Ц. К. Партии) имеет право потребовать от него об'яснений. — § 11. В случаях необходимости Ц. К. Партии имеет право вступать в сношения с отдельными частями Бунда, но лишь с согласия Ц. К. Бунда. Как должны вестись эти сношения, в каждом отдельном случае определяет Ц. К. Бунда. — § 12. Все перечисленные пункты считаются основными и могут быть изменяемы, дополняемы и отменяемы лишь с взаимного согласия договаривающихся сторон. Вышеприведенный проект устава, по решению V с'езда Бунда, должен быть предложен 2-му с'езду Р. С.-Д. Р. П., как базис для обсуждения вопроса о положении Бунда в Партии».

Заявление Николаевского Комитета. В последнее время Николаевский Комитет деятельно занялся внутренней организационной работой и после самого тщательного обсуждения и всестороннего разбора вопроса пришел к тому заключению, что, если мы теперь в значительной степени освободились от шатаний, так вредно отзывавшихся на партийной деятельности, что, если к предстоящему с'езду наша партия явится действительно партией единой и цельной, а не механическим аггрегатом разрозненных комитетов, связанных только единством названия, — то этим мы обязаны исключительно «Искре»; что «Искра» является органом, сумевшим как поставить, так и успешно разрешить главнейшие вопросы программы, организации и тактики; что «Искра» обнаружила свое умение понять и оценить значение других оппозиционных партий и направлений и сумела с неумолимой последовательностью разоблачить их реакционный характер, не страшась нападок за резкость своего тона; что «Искра» обнаружила непреклонную стойкость и энергию в борьбе со всякими сепаратистическими тенденциями внутри нашей Партии; что «Искра» является единственным органом, умеющим своевременно отозваться на все самые сложные вопросы дня, никогда не сходя со строго классовой социал-демократической точки зрения; что «Искра» является таким именно органом, в каком нуждается наша Партия. В виду всего этого Николаевский Комитет об'являет «Искру» своим руководящим органом в вопросах программы, организации и тактики и выражает желание видеть ее органом Партии.

Николаевский Комитет Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Тверь. Отчет кассы Тв. Комитета за март — апрель 1903 г.

Приход 525 руб. 6 коп.. Расход 519 руб.

В рабочей кассе «Шаг к Свободе» в настоящее время числится 81 руб. 15 коп.: 1) 26 руб. 20 коп., 2) 32 руб. 10 коп., 3) 22 руб. 85 коп.

Годовой отчет кассы Тв. Комитета.

Приход 1.225 руб. 49 коп. Расход 1.219 руб. 43 коп., в том числе израсходовано: на помощь безработным 436 руб. 50 коп., на технику 144 руб. 04 коп., на конспиративные расходы 207 руб. 66 коп., за литературу 324 руб. 58 коп., разные расходы 106 руб. 65 коп.

За первый год существования Комитет распространил следующие листки: под фирмой «Тверской Группы» по по-

воду залогинской стачки (300), о демонстрациях (100), письмо к крестьянам (100); за теперешней подписью: майские (500), партийных печатных (300), о стачке на стеклянном заводе (400), к учителям и учительницам (100), во время суда над залогинскими рабочими — 2 листка (2.000), о ростовской бойне (500), памяти декабристов (400), к рабочим фабрики Берга (300), о ростовских событиях (400), прокламация Донск. Комитета (120), речь Михайлова (120), речь Заломова (200), царские речи (350), брошюра на 19 февраля «Сев. Рабочего Союза» (300), на 1 марта тоже (200), к рабочим Куровского завода (100), по поводу выстрела рабочего Логинова (300), Пауки и мухи — Либкнехта, Стачка лжи, Песни — всего в числе 500 экз., бюлл. №№ 1—3 (400), первомайских этого года (за подписью «Орг. Ком.») (1.000), печатных листков «Сев. Союза», «Орг. Ком.» и др. организаций, в том числе «Тв. Ком.» 1.200 экз., всего 9.300 листков. Сверх того распространялась партийная литература: «Искра» до 27 №, «Южн. Рабочий», «Красное Знамя», брошюрная литература — всего около четырех пудов, и велись кружковые занятия с рабочими.

Закончив настоящим кратким отчетом первый год своего существования, Тв. Комитет еще раз обращается ко всем сочувствующим с просьбою о дальнейшей материальной поддержке.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Ростов. Из Ростова сообщают, что участников демонстрации 2 марта будут осенью судить военно-окружным судом. Браиловский Яков, главный обвиняемый (произнес речь), пытался бежать из тюрьмы, но был задержан и избит.

Кишинев. В июле было произведено сорок арестов. Аресты произведены из-за боязни всеобщей стачки. Арестов. Циля Клигерман (ученица акушерск. курсов), Дудявский (поднадзорный) и много др. В поле арестованы: Мария Учитель (акушерка), Менаше Вайсман (владелец посудного магазина), Глоба Мария (сестра привлекавшейся раньше и сослан. в Сибирь).

Иркутск. Локуциевскому (арестованному в конце апреля по доносу какого-то горняка, при обыске ничего не нашли) и Гостиловскому вышел приговор: Верхне-Колымск на 3 года (!). Фридиевой, арестованной при расклейке прокламаций Иркутского Комитета — с. Братское на 1 год. В июне сидело 21 чел., по Комитету никого нет.

Сообщается и то, что в Иркутске учреждено охранное отделение, отпущены суммы...

Сосланы: Хинчук в село Бельское, Минусинского уезда, Фед. Гурвич в с. Кондратьево, Пинчугской вол., Енисейск. г., Газенбуш в дер. Малая Тумка, Енисейской губ., Плесский в село Даурское, Енисейской губ.

В Киренске покончил жизнь самоубийством ссыльный Китаевич; покойный страдал психическим расстройством.

Екатеринослав. В ночь с 25 на 26 июля арестованы: Н. П. Образцов (инт.), Гуревич (возврат. из Сибири после ссылки), Софья Загрязская, Вербов, Браславский, рабочие Матвей и Соломон и еще один. Кроме того было 60 обысков.

В Нижегородской губ. весной были аресты во многих местах, между прочим в Ардатовском уезде — на заводе Выкса, среди рабочих, в Арзамасском — в селе Яблонке арест. 7 крестьян, в Нижегородском — крестьяне, земские учителя и учительницы, в с. Суроватиха, г. Татарове и друг.

В июне месяце вышел приговор студенту Моск. учительской семинарии Гастеву, бывшему под особым надзором в Суздале, по обвинению в пропаганде среди рабочих фабрики Якунчикова. Приговор — 3 года Вологодской губ. В том же месяце об'явлен во Владимире приговор нижегородскому портному Орлову, по Сормовскому делу 1902 г. Приговор 3 года Вост. Сибири. Обвинялся Орлов в устройстве рабочих собраний, по 250 ст. В тюрьме он просидел всего 3 дня. Такой свирепый приговор об'ясняют тем, что Орлов при обыске будто бы оказал сопротивление, закатив жандарму две оплеухи. По об'явлении приговора Орлова тотчас же арестовали и через несколько дней отправили по этапу.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Матвею, Владимиру, корреспонденту из Финляндии. Пришлите адрес для писем.

Трудолюбцам, Владимиру, наследнику Рузова. Письма получены, но прочесть их невозможно, плохо написано.

Емельяну, Вавилону. Корр. и письма получены. 34. Спасибо за корр. Писавшим ее шлем привет.

Авторам корреспонденции: «Забастовка и рабочий бунт в Костроме». Пришлите дубликат. Написано так, что разобрать ничего невозможно.

Отложено, по недостатку места, до следующего номера: обвинительный акт по делу о фабричных беспорядках на фабрике Залогина, «Из черты оседлости», «Выборы в Германии», «Из деятельности охранного отделения» и нек. др.

Получено: от Gim'a 250 р.; из Монпелье по подписным листам №№ 158, 159—49,50 фр., за литературу 120,30 фр.; из Шаи и Кларана 9,50 фр.; собрано в пользу стачечников Юга России: в Берне 25 фр., в Шпице 3 фр., в Вегисе 103 фр., в Райхенгале 7 фр., в Биле 17 фр.; из Берна: за литературу 42 фр., от предприятия 3 фр.; от М. М. Мюнхен чрез m-lle А. Б. 10 марок; для стачечников чрез Рудникова и Гилтерфингена 56 фр.; от П. 10 фр.; на издание соц.-дем. литературы по подп. листу № 37 — 4 р., № 67 — 4 р.; от Жени 5 р.; Из Ма за литературу 46 мар.; чрез В. из кантона Граубинден 265 фр. (для эмигр. кассы 150 фр., для Красн. Креста 70 фр., от М. на издание восп. Дейча 25 фр., от В. на «Искру» 20 фр.); из Л. по сч. от проезжих 15 мар. (пропущено в почтовом ящике № 45); от Цюрихской Эмигрантской Кассы для бежавших товарищей 40 фр.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. «Освобождение» — см. прим. 12-е к № 38 «Искры».

Прим. 2. 17 января 1895 г. представители дворянства, земств и городов собрались в Зимнем дворце для выражения верноподданнических чувств Николаю II, незадолго до этого вступившему на престол. Приветствуя собравшихся, царь сказал: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель». Этот окрик был направлен против тех земств, которые в 1894 г. выступили с адресами, содержавшими скромные конституционные намеки. Среди этих адресов был и адрес тверских дворян.

Прим. 3. Представителем русских социал-демократов на международном социалистическом конгрессе в Париже (1889 г.). был Г. В. Плеханов.

Прим. 4. «Независимые» — см. прим. 2-е к № 9 «Искры».

Прим. 5. Об этом законе см. «Искру» № 47, статью «Закон о вознаграждении рабочих, потерпевших от несчастных случаев».

Прим. 6. V с'езд Бунда состоялся в июне 1903 года. Центральными вопросами с'езда были: 1) национальный и 2) организационный. По первому вопросу обнаружились серьезные разногласия среди делегатов, но определенного решения по нему не было принято и вопрос окончательную формулировку получил только на VI с'езде (1905 год). Второй вопрос обсуждался почти исключительно в плоскости того — какое место должен занимать «Бунд» в Р.С.-Д.Р.П. Развернув в принятой резолюции законченную федералистическую концепцию, с'езд формально завершил начавшийся еще раньше процесс обособления «Бунда» от общероссийской с.-д. партии. В резолюции ультимативно выдвигалось требование о признании Бунда организацией «неограниченной в своей деятельности никакими районными рамками», входящей в партию в качестве единственного представителя еврейского пролетариата, сохраняющей свою национальную программу и имеющей своих отдельных представителей в местных организациях, в Ц.К. и на с'ездах Р.С.-Д.Р.П. Оформив националистические настроения представленных на нем организаций и выдвинув требование федерации, с'езд, таким образом, подготовил почву для ухода Бунда со II с'езда Р.С.-Д.Р.П.

Прим. 7. Речь идет об обращении Екатеринославского Комитета (1902 г.) Р.С.-Д.Р.П. «К еврейским рабочим г. Екатеринослава» с разоблачением сионистской сказки о «едином и нераздельном еврейском народе» и с призывом к пролетариям-евреям сплотиться под знаменем единой социал-демократической партии. Бунд, претендовавший в то время на монопольное представительство еврейского пролетариата, выступил со специальным заявлением, суть которого сводилась к тому, что никакая часть партии, даже Ц. К., не смеет обращаться к еврейскому пролетариату без согласия на то Ц. К. Бунда. В дальнейшем в газете Бунда «Последние Известия» (№ 105, от 28 [15] января 1903 года) была напечатана передовая: «По поводу одной прокламации», в которой развивались мысли о «необходимости отдельной организации сил еврейского пролетариата», в ответ на которую в № 34 «Искры» появилась статья В. И. Ленина: «Нужна ли „самостоятельная политическая партия" еврейскому пролетариату».

Прим. 8. IV с'езд Бунда состоялся в двадцатых числах мая 1900 г. в Белостоке. Центральными вопросами с'езда были: 1) национальный и 2) о месте Бунда в партии. С'езд выдвинул задачу борьбы за культурно-национальную автономию еврейского народа и принял решение о том, что Р.С.-Д.Р.П. должна быть построена на федеративных началах. Здесь речь идет о резолюции, принятой с'ездом «О деятельности Бунда на юге России». В третьем разделе этой резолюции говорилось: «В тех же городах, где еврейские организации входят в состав комитетов партии, где их нужды могут быть вполне удовлетворены без выделения их из этих комитетов, а выделение их может вредно отразиться на успехах русского рабочего движения, — отдельных комитетов Бунда не устраивать».

Прим. 9. Старо-фенноманы — см. прим. 14-е к № 33 «Искры».

Прим. 10. Младо-фенноманы — см. прим. 15-е к № 40 «Искры».

Прим. 11. «Fria Ord» — «Свободное Слово» — см. прим. 12-е к № 39 «Искры».

Прим. 12. «Комитет Независимой Рабочей Партии» — см. прим. 2-е к № 9 «Искры».

Прим. 13. Шаевич — агент охранки, председатель зубатовского «Комитета Независимой Рабочей Партии» в Одессе Выполняя задания охранки, он пытался так же, как Зубатов в Москве, М. Вильбушевич в Вильно, отвлечь рабочих от политической борьбы с самодержавием и втиснуть рабочее движение в рамки мелкой экономической борьбы. Всеобщая забастовка в июле 1903 г. в Одессе привела к ликвидации организаций «независимцев». Сам Шаевич, поднятый на гребень стачечной волны, вынужден был, вместе с другими «независимыми», принять активное участие в июльской забастовке и стать на короткое время во главе ее. К концу забастовки, получив, очевидно, предложение из центра, он пытался остановить движение, но уже было поздно, и движения остановить ему не удалось. Охранка заподозрила обман со стороны Шаевича. 21 июля он был арестован и выслан в Вологду, а впоследствии в Восточную Сибирь на пять лет. Вскоре после этого «независимое» движение в Одессе, лишенное опоры полицейско-охранных сфер, прекратило свое существование.

Прим. 14. С.-д. организация «Рабочая Воля» в Одессе — см. о ее присоединении к Одесскому К-ту Р. С.-Д. Р. П. № 50 «Искры»: «Манифест „Рабочей Воли"».

Прим. 15. О «Златоустовской бойне» — см. корреспонденцию в № 37 «Искры»: «Трагедия в Златоусте» и приложение к № 48 «Искры».

Прим. 16. Так в тексте.

Прим. 17. Костромская история — очевидно, имеются в виду события, изложенные в № 42 «Искры», в отделе «Хр. раб. движения и письма с ф-к и заводов».

Прим. 18. О приезде царя в Италию — см. «Искру» № 48: «Русский царь и итальянские социалисты» и № 50: «Победа итальянских социалистов».

Прим. 19. Моргари — деятель итальянского социалистического движения; депутат итальянского парламента; один из инициаторов созыва Циммервальдской конференции (1915 г.). В настоящее время член реформистской Итальянской Социалистической Партии Рабочих.